

★ ЕВГЕНИЙ САРАНДИ ★

★ КРАСНЫЙ ★
ДЕТМОН
★
НАСЛЕДИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Саранди

Красный Легион: Наследие

«Автор»

2026

Саранди Е. А.

Красный Легион: Наследие / Е. А. Саранди — «Автор», 2026

1986 год. Советский Союз ещё не оправился от краха первого Красного Легиона, но государству уже нужны новые герои. Проект «Феникс» собирает второе поколение прометеев — сильнее, опаснее и, как уверены кураторы, послушнее прежнего. Тем временем из секретного объекта выходит Шёпот — женщина, способная связывать чужие сознания, делиться болью и превращать множество людей в единый Хор. Пока Москва создаёт новую легенду для телеэкранов, бывшие герои учатся жить без приказов, а новые пытаются понять, где заканчивается их функция и начинается собственная воля. Старому и новому Легиону предстоит столкнуться не только с угрозой, способной лишить человека самого права быть отдельным, но и с наследием системы, которая слишком долго решала за людей, кем им быть.

© Саранди Е. А., 2026

© Автор, 2026

Евгений Саранди

Красный Легион: Наследие

28 ноября 1985 года.

На объекте «Асбест» часы шли точнее людей. Их проверяли раз в месяц по сигналу точного времени, хотя сигнал ловился плохо, шёл с шипением и иногда приходил на несколько секунд позже, чем положено. Техник из связи каждый раз записывал разницу в журнал. Разница никогда никого не спасала и никого не убивала, поэтому считалась важной. В 04:17 дежурный врач второго сектора Александр Самойлов поставил в графе «Состояние объекта Ш-1» привычный крестик. Стабильно.

Он избегал произносить слово «стабильно» вслух, хотя продолжал ставить соответствующую отметку в журнале. Оно подразумевало, что существует другое состояние и что однажды ему, возможно, придётся это другое состояние описывать. Три года он отмечал одно и то же: давление в пределах нормы, дыхание ровное, электроэнцефалограмма низкоамплитудная, реакции на внешние раздражители отсутствуют. Иногда Ш-1 вздрагивала во сне. Иногда двигались глаза под веками. Один раз она произнесла звук, похожий на стон. Тогда приезжала комиссия из Москвы, трое суток никого не выпускали с объекта, потом комиссия уехала, а Самойлов получил выговор за слово «стон».

По формулировке комиссии это была «непроизвольная фонационная реакция». После того случая он писал аккуратнее. В 04:18 стрелка прибора поднялась. Самойлов постучал по стеклу ногтем. Стрелка опустилась.

- Вот и договорились, - сказал он.

Медсестра Лебедева сидела за вторым столом и разгадывала кроссворд. Она подняла глаза.

- С кем?

- С медициной.

- Опять победил?

- Ничья.

Он сел. За стеклом камеры лежала женщина, которую Самойлов знал только спящей. Год рождения в карточке был указан приблизительно: «1948 ± 2». Волосы когда-то, судя по старой фотографии, были тёмными. Теперь стали почти белыми. Кожа - тонкая, бледная, как у человека, десятилетиями жившего без солнца. Тело удерживали мягкие фиксаторы. Причина была проще: старые инструкции не отменяли, если они никому не мешали.

Над кроватью было написано: Ш-1. ШЁПОТ. Ниже красной краской: КОНТАКТ ЗАПРЕЩЁН. Ещё ниже, уже другим шрифтом: НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ. И совсем внизу, добавленное после ремонта семьдесят восьмого года:

ПРИ АВАРИИ - ПРОТОКОЛ «ОРФЕЙ». Для всей смены «Орфей» оставался загадкой. Лебедева снова склонилась над кроссвордом.

- Семь букв. «Состояние полного покоя и безмятежности».
- Смерть.
- Шесть.
- Тогда отпуск.
- Тоже шесть.
- «Значит, автор идиот». В 04:19 женщина за стеклом открыла глаза.

Самойлов потом много раз пытался вспомнить, что именно почувствовал первым. Страх? Удивление? Желание нажать кнопку? Ничего из этого. Первым было раздражение. Потому что стрелка снова поползла вверх, и он подумал, что прибор окончательно сломался.

Потом женщина повернула голову. Лебедева перестала писать. Карандаш завис над клеткой кроссворда. Ш-1 смотрела прямо на стекло. Самойлов встал.

- Лида.
- Вижу.
- Замри.
- Почему?
- Не знаю.

Это был самый честный медицинский совет за его карьеру.

Женщина моргнула. Медленно. Спокойно. Как будто проснулась после обычного сна и пыталась понять, почему в комнате горит такой неприятный свет. Самойлов потянулся к телефону.

Номер дежурного офицера был написан на карточке прямо над аппаратом. Четыре цифры. Он смотрел на них и тщетно пытался вспомнить, в каком порядке их набрать. Скорее отодвинул это в памяти. Цифры перестали складываться в последовательность. Три. Семь.

Один. Девять. Он видел их. Понимал каждую отдельно. Но рука стояла над диском, а мозг отказывался решить, какая должна быть первой.

- Саша? - спросила Лебедева.
- Номер.

- Что номер?

- Скажи номер дежурного.

Она посмотрела на карточку. Молчала секунд пять. «Я...»

Женщина за стеклом улыбнулась. Едва заметно. Микрофон камеры, годами записывавший только гул вентиляции, поймал дыхание. Голос был тихим. «Как громко». Лебедева вскрикнула. Самойлов почувствовал удар ремня по спине.

Настоящий. Кожа вспыхнула болью от правой лопатки до поясницы. Он выгнулся и схватился за стол. Второй удар пришёлся ниже. Третий - по плечу. В кабинете никто его не бил. Перед глазами был не кабинет.

Зимний двор. Деревянный дом. Мужчина в майке, красное лицо, ремень в руке. Девочка лет девяти закрывает голову локтями. «Папа, пожалуйста». Самойлов заорал и вернулся. Лебедева стояла у стены, ладонь прижата ко рту.

- Это не моё, - сказал он.

Она смотрела на него огромными глазами.

- Что?

- Я видел.

Он осёкся. По её лицу понял. «Это твоё?»

Лебедева опустила руку. «Мне девять было». За стеклом Шёпот села. Фиксаторы на запястьях натянулись. Сработала сигнализация.

Красная лампа над дверью зажглась с задержкой. Сначала мигнула два раза, словно сама сомневалась, относится ли происходящее к её обязанностям. Потом заревела сирена. Шёпот поморщилась. Вместе с ней поморщился Самойлов. Боль от звука возникла где-то глубже ушей. Он почувствовал его внутри головы, будто кто-то провёл металлической ложкой по нервам.

Шёпот подняла руку. Сирена продолжала орать.

- Выключи, - сказала Лебедева.

- Я не включал.

- Выключи.

Самойлов нажал кнопку локального сброса. Сирена замолчала.

Шёпот расслабилась.

- Спасибо, - сказала она.

Лебедева начала плакать. «Она слышит». Самойлов смотрел на стекло.

- Микрофон односторонний.

- Я знаю.

- Слышать нас для неё невозможно.

Шёпот снова улыбнулась. «Можете тише думать?» В 04:21 на объекте «Асбест» автоматически закрылись гермодвери.

Дежурный офицер капитан Зимин спал в форме. Это считалось нарушением, поэтому ботинки стояли у кровати аккуратно, а ремень лежал на стуле таким образом, чтобы при внезапной проверке можно было утверждать, что он просто снял его на минуту. Сирена подняла его до того, как он открыл глаза. Через сорок секунд он уже был в командном пункте. «Что?» Оператор связи протянул лист. «Ш-1 пришла в сознание».

Зимин прочитал.

- Кто подтвердил?

- Медблок.

- Камера?

- Есть картинка.

На мониторе женщина сидела на кровати. Фиксаторы ещё держали руки. Медленно, с усилием, она вытянула правую ногу на пол. Зимин почувствовал, как у него заболело колено. Старое, простреленное в Афганистане.

Он машинально потёр шрам. «Почему дверь не открывается?» Оператор посмотрел на пульт.

- Она и не должна.

- Я про медблок.

- Какой медблок?

Зимин повернулся к нему. Оператор побледнел.

«Извините. Я...» Он оглядел панели, будто видел их впервые. «Я на секунду потерял ориентацию». Зимин снял трубку прямой связи. «Второй сектор». Шипение.

«Второй сектор, ответьте». Голос Самойлова пришёл с задержкой.

- Слышу.

- Состояние Ш-1.

Пауза.

- Она проснулась.

- Контакт был.

- Смотри что считать контактом.

- Говорите нормально.

- Мы не говорили с ней.

- Тогда какой контакт?

Самойлов ответил очень тихо:

«Она говорила с нами». Зимин посмотрел на монитор. Шёпот повернула голову. И посмотрела левее камеры. Туда, где за несколькими бетонными стенами находился командный пункт. Зимин положил трубку.

«Поднять „Орфей“». Оператор замер.

- Что?

- Протокол «Орфей». Красная папка, нижний сейф.

- У нас нет допуска.

- У меня есть.

- «У вас ключ?» Зимин посмотрел на карман формы. Карман оказался пуст. Он точно помнил, что носил его на цепочке.

Цепочка лежала на груди. Ключ был на месте. Пальцы тряслись так сильно, что открыть замок получилось с третьей попытки. Внутри сейфа лежали четыре папки. «ПОЖАР». «РАЗ-ГЕРМЕТИЗАЦИЯ». «ВНЕШНЕЕ НАПАДЕНИЕ». «ОРФЕЙ».

Последняя была тоньше остальных. Зимин раскрыл её. Первая строка: «При признаках когнитивного заражения персонала немедленно исключить устную коммуникацию». Он прочитал вслух и остановился. Оператор связи посмотрел на него. «Очень вовремя». Зимин продолжил молча.

Письменные команды. Шумоподавляющие шлемы. Исключение визуального контакта. Перевод внутренних каналов в световую кодировку. Запрет на самостоятельное принятие решений сотрудниками, имевшими контакт с объектом. Последний пункт был особенно хорош.

Если человек имел контакт, ему запрещалось принимать самостоятельные решения. Определять наличие контакта должен был он же. Советская инструкция иногда достигала совершенства именно тогда, когда становилась совершенно невыполнимой.

- Всем шлемы, - сказал Зимин.

Потом перечеркнул пальцем собственную фразу в воздухе.

«Нет. Пишем». Он взял карандаш. «ПРОТОКОЛ ОРФЕЙ. УСТНУЮ СВЯЗЬ ПРЕКРАТИТЬ. ШЛЕМЫ. ВИЗУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ С Ш-1 ИСКЛЮЧИТЬ».

Оператор кивнул и передал записку следующему. Через две минуты по объекту начали ходить люди с бумажками. Через три выяснилось, что Шёпоту бумажки не мешают.

В столовой повариха Нина Степановна резала хлеб. Она почувствовала, что рождает. Нож выпал. Боль пришла снизу живота, расколола тело пополам и поднялась до груди. Нина Степановна согнулась, вцепилась в стол. «Господи». Повар рядом подскочил.

- Что?

- Ребёнок.

- Какой ребёнок?

- Идёт.

- Нина Степановна, вам пятьдесят восемь.

- Я знаю, идиот!

Она закричала. В другой части объекта техник Кравцов, мужчина тридцати двух лет, лежал на полу и тоже кричал. Шёпот подняла воспоминание о давних родах самой Нины Степановны и разнесла ощущение по нескольким людям. Кравцов никогда не испытывал этой боли: он помнил только испуг у больничной двери, когда рожала его жена. Теперь чужое телесное воспоминание вытеснило собственное.

Кравцов был Нине Степановне незнаком. Шёпот воспринимала их без различия. В кладовой прапорщик Фомин вдруг увидел молодого солдата, лежавшего лицом вниз в грязи. Двадцать лет назад. Срочная служба.

Фомин бил его сапогом по рёбрам за украденную тушёнку. Солдат не крал. Фомин знал это уже тогда. Просто в роте украли тушёнку, а начальству требовался виноватый. Теперь каж-

дый удар возвращался в его собственное тело. Фомин опустился на колени между ящиками. «Прости».

Кладовщица посмотрела на него.

- Что?

- Я не тебе.

- А кому?

- Где он - без понятия.

Она сделала шаг ближе. В тот же момент почувствовала, как ей ломают два ребра. Упала рядом. «Сука!» Фомин обнял себя за живот.

- Я не трогал тебя.

- Я знаю.

Они смотрели друг на друга. Поняли одновременно. И закричали уже по другой причине.

В комнате отдыха два техника, Борис и Геннадий, играли в домино. Геннадий увидел женщину в синем халате. Она стояла на кухне, спиной к нему. Борис подошёл сзади и обнял её. Геннадий знал эту кухню. Знал халат. Знал шею.

Знал жену. Домино осталось в руке. «Это что?» Борис поднял глаза. «Что?» Геннадий ударил его костяшкой по лицу. Борис отшатнулся.

Боль от удара одновременно прострелила скулу Геннадия. Он замер. Борис потрогал кровь на губе. «Ты охуел?» Геннадий ударил снова. На этот раз кулаком. И сам схватился за нос.

Борис понял быстрее.

- Стой.

- Она моя жена.

- Гена.

- Ты спал с моей женой. Когда?

Геннадий бросился на него. Они упали на стол. Локоть Бориса вошёл Геннадию в живот - и Борис сам согнулся от того же удара. Геннадий ударил его головой о стену, одновременно получил вспышку боли в собственном затылке. Оба продолжили.

Потому что человеческая ненависть иногда выдерживает даже очень убедительный урок эмпатии. Через минуту их нашли на полу. Оба избиты. Оба смеются и плачут. Оба чувствуют каждую новую боль второго.

- Хватит! - крикнул санитар.

Они остановились. Потом санитар почувствовал губы своей матери на лбу. Мать умерла восемь лет назад. Он сел рядом с дерущимися и заплакал.

Самойлов попытался вывести Лебедеву из медблока. Попытка провалилась. Дверь была заблокирована протоколом.

- Откройте второй! - крикнул он в интерком.

Ответом стала тишина. Он вспомнил про запрет устной связи и выругался.

Шёпот сидела на краю кровати. Фиксатор на правом запястье она уже сняла. Оставила целым. Просто долго работала пальцами с застёжкой, пока не поняла механизм. Левая рука оставалась привязана.

Она смотрела на неё с недоумением.

- Помочь? - спросил Самойлов.

Лебедева резко повернулась.

- Ты с ума сошёл.

- Она шестнадцать лет лежит.

- Именно поэтому.

Шёпот посмотрела на Самойлова. Он почувствовал благодарность.

Чужую. Тёплую, почти детскую. И сразу за ней - чужой ужас. Лебедевой. Ещё чью-то скуку. Где-то в коридоре охранник думал о сигарете. Ещё чью-то похоть - короткую, стыдную, направленную на медсестру из соседнего сектора.

Ещё чью-то изжогу. Ещё чью-то злость на начальника. Поток наложился. Самойлов зажал уши. Оказалось бесполезно. «Прекрати». Шёпот нахмурилась.

- Что?

- Это.

- Что?

Она действительно терялась.

- Ты... ты передаёшь нам мысли.

- Я ничего не передаю.

- Тогда откуда я знаю, что кто-то хочет курить?

Она чуть наклонила голову.

- Он хочет.

- Кто?

- Мужчина.

- Какой мужчина?

Шёпот посмотрела куда-то сквозь стену.

«Тот, который хочет курить». Лебедева нервно рассмеялась. «Отлично. Очень удобно». Самойлов подошёл к стеклу. «Ты знаешь, где находишься?» Шёпот долго смотрела на него.

- Здесь.

- Что последнее помнишь?

Она закрыла глаза. В коридоре одновременно вскрикнули три человека. Самойлов увидел белую комнату. Ремни. Мужчину в очках. Свет.

Десятки лиц за стеклом. Крик: «Отсоединяйте!» Чужие руки бьют по двери. Кто-то прыгает из окна. Кто-то не своим голосом говорит «открой». Потом игла. Тьма.

И голоса. Много. Очень много. Годы без дня и ночи, только далёкие боли, страхи, вспышки, исчезновения. Шёпот открыла глаза. Самойлов стоял, вцепившись пальцами в стекло. Лебедева сидела на полу.

- Ты слышала всё это время? - спросил он.

- Не знаю.

- Сколько?

- Не знаю.

- Ты знаешь, какой сейчас год?

Шёпот посмотрела на него. В её голове возник вопрос. Самойлов почувствовал его раньше, чем она произнесла. «Что такое год?» Он отступил.

Полковник Анатолий Серов прибыл на «Асбест» в 05:02. Его разбудили не сиреной. Ему позвонили домой. Телефон звонил долго. Жена ворчала, что опять Москва, Серов ответил, что Москва звонит не ему, а работе. Потом услышал код и перестал шутить. «ОРФЕЙ-КРАСНЫЙ».

Он не произносил этот код шестнадцать лет. Машина шла по ночной дороге слишком медленно. Водитель дважды пытался обогнать грузовик, Серов запретил. Он хотел доехать живым по пути к женщине, которая могла заставить людей убивать друг друга мыслями. Это казалось оскорбительно бытовым. У внешнего КПП его встретил Зимин в шумоподавляющем шлеме. Серов снял перчатку и написал на планшете: «СКОЛЬКО ЗАРАЖЕНО?»

Зимин написал: «НЕИЗВЕСТНО». «ВНЕШНИЙ КОНТУР?» «ПОКА ЧИСТ». «ПОЧЕМУ ПОКА?» Зимин промолчал. Серов посмотрел на него. Тот написал:

«НЕ УВЕРЕН, ЧТО МОЯ МЫСЛЬ МОЯ». Серов прочитал дважды. Подчеркнул последнее слово. Вошёл внутрь. Командный пункт пах потом и резиной шлемов. Люди старались не смотреть друг на друга. Приказ молчать работал хуже, чем рассчитывали: молчание заставляло каждого ещё внимательнее следить за собственными мыслями. А чем сильнее человек отгонял какую-то мысль, тем ярче думал именно об этом.

Один оператор сидел, зажав глаза ладонями. Серов написал: «СОСТОЯНИЕ».

Зимин протянул сводку. Двадцать три случая сенсорного переноса. Семь эпизодов общей боли. Четыре драки. Два сотрудника потеряли ориентацию. Один временно не узнавал собственное имя.

Ш-1 в сознании. Физически слаба. Камеру не покидала. Серов посмотрел на монитор. Шёпот стояла. Точнее, пыталась.

Она сняла оба фиксатора. Поставила ноги на пол. Опиралась на кровать. Поднялась сантиметров на десять. Колени сложились. Она упала. Серов почувствовал удар коленями о бетон.

Вместе с ним дёрнулись ещё несколько человек. Полковник посмотрел на Зимина.

- Шлемы снять, - сказал он.

Все повернулись. Зимин сорвал шлем первым.

- Почему?

- Потому что бесполезно.

- Протокол.

- Протокол написан под неверную модель способности.

- Откуда вы знаете?

- Потому что я тоже почувствовал её колени.

Один из офицеров побледнел. Серов подошёл к пульта. «Газ». Врач поднял голову.

- Какой?

- Усыпляющий контур.

«После шестнадцати лет медикаментозной комы реакция неизвестна».

- Меня не интересует её комфорт.

- Я говорю о риске для организма.

Может остановиться дыхание. Серов посмотрел на экран. Шёпот снова поднялась. «Тогда остановится». Врач открыл рот.

- Полковник.

- Запускайте.

Газ пошёл в камеру бесцветным потоком. Шёпот заметила с задержкой. Потом вдохнула. Кашлянула. В командном пункте закашляли четыре человека. Серов почувствовал металлический вкус. Провёл языком по зубам.

Следов крови - ноль. В коридоре боец спецгруппы прикусил язык, когда надевал маску. Шёпот снова кашлянула. Опустилась на кровать. Врач смотрел на показатели.

- Пульс падает.

- Хорошо.

- Слишком быстро.

- Ещё лучше.

И тогда тело Серова перестало ему принадлежать.

Это произошло без боли. Он хотел повернуть голову к врачу - тело отказало. Хотел моргнуть - веки остались неподвижны. Правая рука сама легла на кобуру. В командном пункте все отступили.

Серов чувствовал каждый сантиметр движения. Большой палец расстегнул клапан. Пальцы обхватили рукоять. Пистолет вышел.

- Не стрелять, - сказал Зимин.

Серов хотел крикнуть.

Горло не открылось. Пистолет поднялся. Направился на врача. Остановился. Шёпот за стеклом камеры смотрела на свою ладонь. Сжала пальцы.

Пальцы Серова сжались на рукояти. Разжала. Он разжал. Она медленно повернула кисть. Серов повернул свою. Эксперимент. Она не угрожала ему.

Она училась. Это было хуже. «Нет», - подумал Серов. Шёпот резко подняла голову. Его собственный голос прозвучал внутри черепа: «Нет».

Она услышала сопротивление. Заинтересовалась. Рука Серова поднялась к виску. Ствол коснулся кожи. Он подумал о жене. Плохая идея. Шёпот увидела женщину в халате, кухню, две чашки, привычку оставлять сахарницу открытой, родинку на плече, раздражение, нежность, двадцать семь лет брака, последнюю ссору из-за дачи.

Серов отгонял мысли о жене. Шёпот увидела её ещё ярче. Пистолет опустился. Тело вернулось. Серов рухнул на колени. Его вырвало прямо на пол. Все остались на месте.

Все боялись прикоснуться. Он вытер рот рукавом. Посмотрел на монитор. «Термический контур». Врач побледнел.

- Что?

- Выжечь сектор.

- Там ещё заключённые.

- Уже не имеет значения.

В этот момент Шёпот за стеклом камеры перестала кашлять. И улыбка исчезла.

Термический контур был построен в семьдесят втором. Официальные документы его отрицали. В документах он назывался «аварийной системой санитарной нейтрализации биологических материалов». Биологических материалов в центральном секторе было сто восемьдесят три человека. Для запуска требовалось два ключа. Первый оператор вставил свой. Посмотрел на правую руку.

Потом на левую.

- Что? - спросил второй.

Первый промолчал. Он вдруг потерял ощущение, какая рука правая.

Буквально. Он знал слова. Знал направление. Но каждая рука ощущалась одновременно правой и левой. Он попробовал поднять одну. Поднялись обе. Второй оператор взглянул на подписи под ключами.

Вместо «КОНТУР А» увидел имя сына. Саша. Под вторым - имя дочери. Ира. Он моргнул. Надписи остались. «Нет».

Серов схватил его за плечо. «Повернуть ключ». Оператор отшатнулся.

- Вы хотите их сжечь.

- Кого?

- Детей.

- Это надписи.

- Там Саша.

- Уберите его.

Двое офицеров потащили оператора от панели. Третий сел на его место. Красная кнопка запуска показалась ему дверным звонком собственной квартиры.

За дверью стояла мать. Мать умерла двенадцать лет назад. Он заплакал и нажал. Всё осталось спокойно. Потому что кнопку нужно было удерживать восемь секунд, а на третьей он убрал палец, испугавшись, что мать войдёт. Серов понял. Любая процедура заканчивалась человеком.

Ключ держал человек. Кнопку нажимал человек. Приказ передавал человек. Даже механический таймер кто-то должен был завести рукой. И если Шёпот работала через человека, объект был построен вокруг её способности, а не против неё.

- Спецгруппа, - сказал он.

Зимин посмотрел на него.

- Физически.

- Она возьмёт их.

- Возможно.

- Тогда зачем?

- Чтобы увидеть предел.

Зимин смотрел долго. «Людьми?» Серов поднялся. «У нас других единиц измерения нет».

Двенадцать бойцов вошли в центральный сектор. Тяжёлые бронекостюмы, закрытые шлемы, автоматы, два огнемёта короткого действия. Приказ был прост: не разговаривать, не смотреть на заключённых, двигаться до камеры Ш-1, ликвидировать объект. Шёпот сидела на полу. Газ перестали подавать - она использовала кашель как мост к персоналу, и врачи решили, что лучше дать ей дышать нормально. Это решение тоже казалось разумным ровно до следующей ошибки. Она почувствовала бойцов раньше, чем услышала.

Двенадцать узлов. Страх. Дисциплина. Стыд одного из них за то, что боится. Злость другого на жену. Третий думал о собаке. Четвёртый повторял внутри: «не думать, не думать, не думать».

Шёпот улыбнулась ему. Он увидел улыбку через три стены. Споткнулся. Группа дошла до камеры. Первый боец вошёл. Поднял автомат. Напарник схватил ствол.

Это выглядело как борьба. Первый дёрнул оружие назад. Третий решил, что напарник заражён, и выстрелил ему в грудь. Пуля ударила в броню. Напарник упал. Четвёртый повернул оружие на третьего. Пятый попытался выбить ствол.

Две очереди ударили в стену. Огнемётчик развернулся слишком резко, сопло задело шлем другого бойца. Кто-то закричал. Шёпот закрыла глаза. Хаос остановился. Сразу. Одиннадцать бойцов опустили оружие. Двенадцатый остался у двери, пока ещё вне её моторного контроля.

Повернулись к ней. Одновременно стали на одно колено.

- Хватит, - сказали одиннадцать голосов.

В командном пункте Зимин отступил от экрана. «Господи». Серов промолчал.

Шёпот открыла глаза. Смотрела на людей. Они смотрели на неё. Она попробовала поднять правую руку. Поднялись одиннадцать правых рук. Опустила. Одиннадцать опустили.

Один из бойцов начал сопротивляться. Его звали Лапин. Двадцать шесть лет. Жена на шестом месяце беременности. Шёпот знала это, потому что он держался за образ жены как за поручень. «Моя рука». Шёпот услышала.

«Моя». Слово имело для неё другой смысл, чем для него. Рука существовала в сети. Она чувствовала мышцы. Сухожилия. Пальцы. Почему «его»?

Лапин рванул плечо против её команды. Мышца сократилась в одну сторону, рука пошла в другую. Сухожилие лопнуло. Шёпот вздрогнула от боли. Отпустила. Лапин завыл, упал на бок. Свободный боец у двери увидел момент.

Поднял автомат. Выстрелил. Контролируемые люди встали перед Шёпотом раньше, чем она поняла, что делает. Первая очередь вошла одному в спину. Тело дёрнулось. Шёпот почувствовала горячий удар под лопаткой. Вторая пуля прошла через бок другого.

Третьему разбило нижнюю челюсть. Кость, зубы и кровь ударили по стене. Он продолжал стоять. Потому что она ещё держала его ноги. Шёпот закричала. Все контролируемые закричали вместе. Стрелок успел дать ещё одну очередь.

Потом его автомат опустился к собственной ноге. Он понял раньше, чем выстрелил. «Нет». Очередь прошла колено. Он упал. Автомат повернулся ко второй ноге.

«Нет! Нет! Пожалуйста!» Шёпот смотрела его глазами на раненых, которые закрыли её собой. Она чувствовала их боль. Он тоже начал чувствовать. Иным путём, минуя перенос воспоминания.

Прямо сейчас. Челюсть, которой нет. Лёгкое, заполняющееся кровью. Пуля в печени. Разорванная мышца. Вся комната стала одним телом, которому нанесли несколько ран сразу. Стрелок завыл.

Шёпот заставляла его смотреть.

- Это ты, - сказала она.

Его губы повторили:

«Это ты». Потом она увидела его страх. Страх, что он больше никогда не увидит сына. Шёпот отпустила. Он рухнул рядом с автоматом и попытался отползти. Она не остановила.

Раненый с разбитой челюстью умер. Шёпот почувствовала момент смерти. Сначала тело перестало отвечать. Потом мысли стали медленнее. В них было удивление. Очень короткое. Потом ничего.

Но «ничего» не наступило полностью. Внутри Шёпота остался запах гаража. Синий велосипед. Рука отца. Лицо девушки по имени Таня. Всё это было чужим. И всё это теперь было внутри.

Она прижала ладони к вискам. «Где он?» Ответом стала тишина. «Где он?» Раненые смотрели. «Он был здесь». Самойлов наблюдал из медблока.

- Умер, - тихо сказал он.

Шёпот услышала. Повернулась в сторону стекла. «Куда?» Врач остался без ответа.

Серов видел достаточно.

- Связь с Москвой.

- Закрытый канал.

- Любой, который работает.

Оператор набрал номер. На другом конце ответил дежурный аппарат новой комиссии. Старые номера после смерти Дроздова менялись каждый день, потому что скомпрометированные линии оставались неизвестны всем. Система защищалась от утечки способом, который делал её похожей на человека, постоянно меняющего квартиру, но оставляющего записку с новым адресом на старой двери.

- Объект «Асбест». Код «Орфей-красный».

- Подтверждение.

Серов назвал две группы цифр. «Состояние?»

«Ш-1 в сознании. Массовое когнитивное заражение. Моторный контроль подтверждён. Одновременное удержание минимум одиннадцати носителей». Пауза. «Повторите последнее». Серов открыл рот.

И замолчал против воли. Шёпот нашла его снова. На этот раз не брала всё тело. Только речь. Его губы продолжили спокойно:

«Угроза локализована. Вмешательство излишне». Дежурный в Москве помолчал.

- Полковник Серов.

- Да.

Внутри Серов орал. «Подтвердите дополнительным кодом». Шёпот полезла глубже.

Он почувствовал её как холодную ладонь, проходящую сквозь память. Коды. Имена. Старые папки. Дроздов. Прометей. Красный Легион.

Москва. Шёпот остановилась на последнем. Москва была не словом. Москва была тысячами связанных ассоциаций: площадь, кабинет, парад, кровь на карте, страх перед начальством, метро, жена Серова в театре, очередь за колбасой, Кремль, мальчик с красным флажком, доклад, архивы, голос диктора. И ещё - чувство. Громкое. То самое, которое она слышала сквозь годы сна.

Миллионы людей. Седьмое ноября. Страх. Ярость. Правда, которая внезапно заговорила. Шёпот увидела незнакомых ей людей: мужчину, чья сила зависела от чужой веры, женщину в красном плаще, девочку, бегущую быстрее звука, мужчину, который входил в чужие головы. Последний показался знакомым.

Способом присутствия. Она коснулась памяти Серова о документах «Коллектива» и почувствовала далёкий, очень слабый след. Кто-то там когда-то делал то же, что она. Только маленько. Осторожно. С проводами. Она спросила его через рот Серова:

«Где остальные?» Дежурный в Москве замолчал. Серов почувствовал, как человек на другом конце понял, что говорит не он. Связь оборвалась. Шёпот отпустила речь. Серов ударил кулаком по столу. «Механический таймер».

Зимин поднял глаза. «Термический?» «Реакторный узел. Если не можем выжечь сектор, обрушим объект».

- Там люди.

- Я знаю.

- Она тоже услышит.

Серов посмотрел на него. «Не думайте о том, что будете делать».

Зимин рассмеялся.

- Вы сейчас приказали мне не думать о приказе.

- Да.

- Хороший план.

- Другого нет.

Серов пошёл сам.

Пока Шёпот держала бойцов и открывала камеры, её внимание оказалось занято десятками одновременных ощущений. Серову хватило этой перегрузки на несколько минут. Шахматы не делали его мысли невидимыми, они лишь не давали цели стать самым ярким сигналом раньше времени.

Механический таймер находился в старом технологическом отсеке, построенном ещё до последней реконструкции. Дверь обходилась без электронного замка. Только ключ. Серов шёл, считая шаги. Мысли о цели отступили. Думал о шахматах. Конь на f3.

Пешка на e5. Жена не любила шахматы. Жену - прочь из мыслей. Конь. Пешка. Ключ. Ключом оказалось другое.

Конь. Он открыл дверь. Внутри была рукоять аварийного сброса защиты и часовой механизм. Серов действовал по моторной памяти. Открыл защитный кожух. Повернул два фиксатора. Только когда механизм щёлкнул и стрелка пошла назад от семи минут, он позволил себе подумать:

«Готово». Шёпот почувствовала. Серов понял по тому, как одновременно остановились люди в коридоре.

- Поздно, - сказал он.

Его ноги стали чужими. Но таймер уже шёл.

Шёпот стояла в коридоре. Стояла плохо. Два бойца поддерживали её под локти. По собственной инициативе: один сам предложил. Она чувствовала его решение и не различала предложение и собственную мысль. Двери открывались одна за другой.

- Откройте, - сказала она.

И объект начал открывать себя. Операторы снимали блокировки. Охранники вводили коды. Техники поднимали решётки. Врачи доставали ключи от камер, о существовании которых некоторые узнали только сейчас.

Шёпот шла по «Асбесту» и впервые видела, что лежало рядом с ней все эти годы. В камере Б-17 сидел мужчина, кожа которого превратилась в костяной сад. Пластины росли из плеч наружу, из рёбер внутрь. Каждое дыхание двигало острую кость рядом с лёгким. Его держали на обезболивающих. На стене были царапины - он считал дни, потом перестал. Дверь открылась.

Он посмотрел на Шёпот. «Кто?» Она коснулась его сознания. Боль была постоянной. Такой постоянной, что мозг перестал воспринимать её как сигнал и сделал частью личности. Шёпот заплакала. Мужчина усмехнулся.

- Первый раз кто-то плачет раньше меня.

- Я слышу.

- Поздравляю.

Он попытался встать. Костная пластина под кожей сдвинулась. Боль ударила обоих. Шёпот согнулась.

- Хватит.

- С чем хватит?

- Больно.

- Поздно заметила.

В следующей камере женщина лежала в ванне с изолирующим раствором. Нервная система вырабатывала электрические импульсы такой силы, что обычное прикосновение обугливало кожу. Собственные нервы разрушались от каждого разряда. Она открыла глаза. «Опять переводят?»

- Нет, - сказал врач.

«Тогда что?»

- Открывают, - ответила Шёпот.

Женщина засмеялась. Первый раз за много лет. Разряд пробежал по жидкости. Лампы погасли. Врач отступил. «Осторожно».

Шёпот посмотрела на него.

- Ей больно.

- Я знаю.

- И держали.

Врач побледнел. «Я работаю здесь два года». Шёпот увидела его два года.

Первый день. Подпись о неразглашении. Страх. Зарплата. Рождение сына. Однажды он увеличил дозу обезболивающего этой женщине, хотя инструкция запрещала. Однажды остался безучастен, когда санитар ударил другого заключённого. Однажды украл бинты домой. Однажды плакал в туалете после смерти пациента.

Ни злодей. Ни хороший. Просто человек, в котором всё находилось одновременно. Шёпот пыталась понять, как с этим обращаться. Она знала только одно:

он слышал крик и мог уйти домой. Она - была лишена такой возможности.

- Почему вы уходили? - спросила она.

Врач растерялся.

- Куда?

- Домой.

- После смены.

- Когда они оставались?

Он молчал.

«Потому что... это работа». Шёпот повторила слово. «Работа». В памяти Серова оно встречалось часто. Очень удобное слово. В камере Г-4 старик попросил убить его.

Он умел менять плотность жидкости. Собственная кровь иногда становилась густой, как смола. Чтобы лишить его возможности использовать способность, его годами держали обезвоженным. Губы потрескались. Кожа была похожа на бумагу. Шёпот коснулась. Он вздрогнул.

- Уйди.

- Почему?

- Не лезь.

- Ты хочешь умереть.

- Да.

- Хватит.

- Тебя спросили?

Она растерялась.

- Я слышу.

- Это не значит, что ты решаешь.

Шёпот посмотрела на него. Фраза была непонятной. Если она чувствует его боль так же, как свою, как боль может принадлежать только ему?

- Я помогу.

- Нет.

- Тебе больно.

- Мне.

Он подчеркнул слово. «Не тебе». Шёпот отступила. Первый человек за день провёл границу словами. Она её не приняла. Но запомнила.

- Семь минут, - сказал Серов в командном пункте.

Зимин повернулся.

- Что?

- Теперь шесть сорок.

- Вы запустили?

- Да.

- Можно остановить?

- Из реакторного узла.

- А вы здесь.

- Потому что она привела.

Зимин понял. Серов стоял у стены, руки опущены. Глаза свободны.

Тело - нет. Шёпот держала его где-то издалека.

- Убейте меня, - сказал Серов.

- Полковник...

- Сейчас.

- Она возьмёт следующего.

- Возможно.

- Тогда смысл?

Серов усмехнулся. «Мне станет легче».

Зимин не поднял оружие. Серов попробовал сам. Шёпот отпустила правую руку на долю секунды. Он выхватил пистолет. Прижал под подбородок. Палец пошёл на спуск. Остановился.

Шёпот перехватила.

- Не полезешь, - сказал Серов.

Через громкоговоритель командного пункта ответил его собственный голос:

«Уже». Зимин побелел. Шёпот искала путь к реакторному узлу. Серов попытался закрыть память. Попытка провалилась. Коридор. Два поворота.

Лестница вниз. Старая дверь. Ключ. И вместе с этим - другое. 1972 год. Полигон под Свердловском. Серов ещё капитан.

Снег. Запах дизеля. Домик горит. Из подвала выводят мальчика лет пятнадцати. Кожа на руках прозрачная, под ней светятся сосуды. Экспериментальная серия. Нестабильный.

«Где мать?» - спрашивает мальчик. Офицер рядом говорит:

«Материал два уже списан». Мальчик не понимает. «Где мама?» Серов получает приказ. «Ликвидировать остатки». Мальчик смотрит прямо на него. «Хватит».

Серов стреляет. Один раз. Мальчик падает. Второй раз, потому что ещё движется. Шёпот пережила это как настоящее. Она почувствовала пулю в груди. Холод снега под спиной.

Страх мальчика. Решимость Серова. И самое страшное - облегчение после второго выстрела, потому что приказ выполнен и можно ехать домой. Шёпот закричала. Серов схватился за грудь. Но боль была только началом. Она вытащила другие смерти.

Случайно. Просто в ярости открыла всё сразу. Пулевое отверстие в животе мужчины на полигоне. Сломанные пальцы женщины на допросе. Ожог спины. Удушье противогазом. Человек, которого Серов видел в мешке и не спросил имя.

Парень в Афганистане, умерший у него на руках. Враг, которому он выстрелил в лицо. Солдат, погибший раньше, чем Серов добрался до него. Вина была лишь частью. Вся боль, которую его память когда-либо зарегистрировала. Серов упал. Начал царапать лицо. От столкновения рот наполнился кровью и крошкой зубов, на ближайшей поверхности остался веер мелких красных брызг.

«Уберите!» Зимин попытался подойти. Серов ударил его ногой против воли - мышцы дёрнулись от чужого воспоминания. «Уберите из меня!» Шёпот чувствовала каждую его боль вместе с ним. Сердце сбилось. Врач увидел на мониторе.

«Аритмия». Серов выгнулся. Глаза стали стеклянными. Последняя мысль оказалась простой и домашней: «Сахарницу закрыть».

Жена всегда ругалась. Сердце остановилось. Шёпот отпустила. Но Серов не ушёл полностью. Внутри неё осталась карта объекта. Голос жены. Запах табака.

Шахматная позиция. Мальчик на снегу. Слово «Москва». Она стояла среди чужих людей и впервые почувствовала настоящий ужас. «Он где?» Ответом стала тишина.

- Он умер, - сказал Зимин.

- Я слышу его.

- Это память.

- Он здесь.

- Нет.

- Здесь.

Шёпот ударила себя ладонью по груди. «Здесь». Зимин посмотрел на тело Серова. Потом на камеры.

- Господи, - сказал он.

- Вы ещё и мёртвых носите.

Слово «носите» в таком смысле было Шёпоту незнакомо. Но поняла. И ей стало страшнее смерти. Если человек умирает отдельно - он исчезает.

Если умирает внутри неё - часть остаётся. Мысль возникла очень просто. А что, если все станут одним?

До перегрузки оставалось четыре минуты. Шёпот увидела объект глазами сорока трёх человек. Это произошло с задержкой. Сначала она держала одного охранника у лестницы. Потом врача в третьем секторе. Потом женщину-электрика. Потом заключённого с костями.

Потом Зимина. Каждый новый человек давал новый угол. Коридоры перестали быть коридорами. Стали одной сложной формой, которую она воспринимала одновременно со всех сторон. Она видела себя сверху глазами камеры, которую смотрел оператор. Видела собственную спину глазами бойца. Видела лестницу из двух направлений.

Слышала сорок три дыхания. Чувствовала сорок три сердца. На секунду потеряла понимание, какое из них её. Её тело пошатнулось. Два человека подхватили. Через них она подхватила сама себя.

- Выход, - сказала она.

Слово повторилось десятками голосов. «Выход». Люди побежали. Россыпью. Кто-то добровольно.

Кто-то потому, что мышцы получили приказ. Кто-то остался у камер, отказываясь уходить без заключённых. Кто-то пытался спрятаться. Шёпот чувствовала каждого и не различала право прятаться и необходимость спасти. Она заставляла спрятавшихся выходить. «Не хочу!» - кричал молодой техник, цепляясь за батарею.

Его пальцы разжались сами.

- Там взорвётся.

- Не лезь в меня!

- Я спасаю.

- Отпусти.

- Ты умрёшь.

- Это моё!

Слово снова. Моё. Моя рука. Моя боль. Моя смерть.

Шёпот ненавидела его. Потому что «моё» означало дверь, которую можно закрыть перед чужой болью.

В аварийном тоннеле застрял мужчина из камеры Б-17. Костные пластины на плечах были слишком широкими. Он протиснулся наполовину. Одна пластина вошла в бетонный шов.

- Стойте, - сказал он.

Толпа сзади давила.

Шёпот приказала остановиться. Сорок человек замерли. До перегрузки - пятьдесят семь секунд.

- Назад, - сказал мужчина.

- Не успеем.

- Я сказал назад.

Шёпот попробовала повернуть его тело боком.

Кость внутри грудной клетки сдвинулась. Он заорал. Она тоже.

- Руки прочь.

- Надо выйти.

- Мне не выйти.

- Выйдешь.

- Нет.

- Да.

Она заставила двоих тянуть его за руки. Ещё двоих - толкать сзади. Костная пластина хрустнула.

Мужчина закричал. «Хватит!» Шёпот усилила. Она отказывалась отпустить. Отпустить означало позволить исчезнуть. Кость пробила кожу. Кровь ударила на стену. «ХВАТИТ!» Вместо ровной раны осталась мясная бахрома из кожи и мышц, быстро темневшая под слоем крови.

Люди тянули. Тело вышло рывком. Оставалось ещё кое-что. Большой костный нарост остался в проёме вместе с куском плеча. Мужчина упал. Кровь пошла слишком быстро. Шёпот схватила его руками трёх людей.

«Вставай». Он посмотрел на неё. Глаза уже мутнели.

- Дура.

- Вставай.

- Я просил.

- Не уходи.

- Я просил.

Он умер. И остался в ней запах дешёвых конфет, которые мать приносила в больницу, когда ему было шесть. Шёпот замерла. Двадцать семь секунд.

Зимин закричал: «БЕЖАТЬ!» На этот раз она позволила людям бежать самим.

«Асбест» умер без красивого взрыва. Сначала погас свет. Потом земля качнулась. В глубине объекта что-то тяжёлое сорвалось и ударило о бетон. Через секунду пришёл звук. Глухой удар, от которого воздух стал твёрдым.

Шёпот увидела огонь сразу тридцатью глазами. Он шёл по шахте. Один человек успел повернуться. Другой - нет. Третий подумал о дочери. Четвёртый ничего не подумал. Пятый почувствовал жар и умер раньше, чем понял.

Шёпот получила их смерти одновременно. Её тело находилось уже снаружи, у технического выхода, но она рухнула на промёрзшую землю так, будто огонь прошёл через неё. Люди вокруг падали. Кто-то обгорел. Кому-то сломало ногу ударной волной. Из тоннеля вылетела дверь. Ударил охранника в спину и переломила позвоночник.

Он умер через две минуты. Шёпот держала его всё это время, потому что боялась отпустить. Он просил. «Уберите это чувство». Она не отпускала. «Пожалуйста». Она не отпускала.

«Дай». Последнее слово не закончилось. Он остался в ней запахом машинного масла и песней, которую пела мать. Когда всё стихло, вокруг лежало тридцать четыре живых человека. Из них восемнадцать были ранены. Семеро были неспособны идти. Шёпот лежала на боку.

Снег касался лица. Снег был для неё новым ощущением. Сначала решила, что это боль. Потом поняла - холод. Подняла ладонь. Снежинки таяли на коже. Женщина с электричеством сидела рядом, завернутая в резиновое одеяло.

- Красиво? - спросила она.

Шёпот посмотрела.

- Что?

- Снег.

Шёпот подумала.

- Тихий.

- Бывает.

Они сидели среди дыма.

За спиной обрушивался объект, где десятилетиями людей превращали в номера. Шёпот закрыла глаза. Внутри были живые. Мёртвые. Серов. Мальчик на снегу. Мужчина с костями.

Охранник с песней. И далеко - огромное ощущение. Москва. Она повернула голову на запад. Все люди, которых она держала глубоко, повернули головы одновременно. Те, кто был свободен, заметили.

- Что там? - спросил врач Самойлов.

Шёпот открыла глаза.

- Громко.

- Где?

Она показала направление. Самойлов понял.

- Москва.

- Москва.

- Ты хочешь туда.

Она долго слушала.

Миллионы далёких эмоций были почти неслышны после бетона. Но теперь, проснувшись, она знала: всё происходило наяву.

- Там остальные.

- Какие остальные?

Шёпот посмотрела на него. «Все».

В Москве утро началось с уборки. На Красной площади меняли ещё две плиты. Бригадир ругался, что оттенок опять не тот. Рабочий, нашедший несколько дней назад значок Красного Богатыря, принёс его в кармане. Причина была проще: дома сын попросил показать. У телецентра снимали разбитое стекло.

В управлении переставляли кабинеты. В газетах слово «Триумф» всё ещё не печатали. Страна делала то, что умела лучше всего после катастрофы: оформляла последствия как теку-

щую работу. Виктория Стрелецкая сидела в комнате для допросов. На столе лежал протокол. Следователь был молодой, уставший и уже начинал её ненавидеть.

- Эпизод двадцать три, - сказал он.
- Возвращение носителя К-17 на объект после попытки побега.
- Пишите фамилию.
- Здесь код.
- В архиве есть фамилия.
- У нас нет архива.
- Тогда запросите.

Он отложил ручку.

- Виктория Андреевна, мы третий час на одном листе.
- Значит, медленно пишете.
- Вы обвиняемая.
- Я заметила.
- Не ведите себя как начальник.

Стрелецкая посмотрела на него.

«Хорошо». Следователь вздохнул.

- Спасибо.
- Пожалуйста.
- Это сарказм?
- Нет.
- Ещё хуже.

Он продолжил. Разрушение «Асбеста» пока оставалось для Стрелецкой неизвестным. Ей пока не сообщили. Но в другом здании Иволгин уже получил короткую записку.

«Связь с объектом А-4 отсутствует. Код предыдущего сигнала: ОРФЕЙ». Он прочитал. Положил рядом с папкой «ФЕНИКС». Красным карандашом в документе было зачёркнуто «контроль поведения». Надписано:

«адаптационное сопровождение». Иволгин посмотрел на записку. «Что за „Орфей“?» Помощник пожал плечами.

- Старый код.

- Насколько старый?

- Шестьдесят девятый.

Иволгин перестал писать.

- Найдите человека, который помнит.

- Сейчас.

- Нет, после обеда через месяц.

Помощник ушёл быстрее.

Михаил Добрынец стоял в очереди за хлебом. Это была идея Марии. Она сказала, что если он хочет снова научиться жить среди людей, полезно начать с места, где люди гарантированно не интересуются его внутренним миром. Очередь двигалась медленно. Михаил держал сетку с двумя бутылками молока. Женщина впереди обернулась. Посмотрела.

«Вы...» Сила пришла сразу. Лишь часть. Плечи стали легче. Рёбра перестали ныть. Женщина нахмурилась.

«Нет. Показалось». Сила ушла. Михаил вздохнул. Мария стояла рядом.

- Смешно.

- Очень.

- Я не спрашивал.

- А я ответила.

Мужчина позади узнал.

«Богатырь». Несколько человек повернулись.

- Это он, - сказал кто-то.

Кто-то: «Убийца». Кто-то: «Он же людей вытаскивал».

Кто-то: «Они всё сами устроили». Сила внутри Михаила дёрнулась, как лампа при плохом напряжении. Он не повернулся. Мария спросила:

- Не будешь выступать?

- Нет.

- Почему?

- Хлеб куплю.

- Важная операция.

- Сложнее некоторых.

В этот момент далеко за городом Шёпот впервые направила внимание к Москве. Михаил остался без ощущений. Аркадий почувствовал.

Аркадий Жуков сидел на кухне у Веры. На столе стоял чай. Вера резала колбасу слишком толстыми кусками. Раньше он автоматически знал бы, что она раздражена. Сейчас приходилось смотреть на лицо. Это оказалось сложнее телепатии.

- Ты опять молчишь, - сказала она.

- Учусь.

- Чему.

- Молчать.

«Очень полезный навык после того, как десять лет лез людям в головы». Он кивнул. «Да». Вера положила нож.

- Я не понимаю, как с тобой разговаривать.

- Я тоже.

- Ты знал обо мне всё.

Аркадий замер.

- Не всё.

- Что значит «не всё»?

- Я старался...

- Когда?

Он промолчал.

- До того, как решил стать хорошим, или после.

- Вера.

- Хватит так произносить моё имя.

Он опустил глаза. «Хорошо».

Тишина. Настоящая. Аркадий всё ещё не привык. Раньше комната всегда была заполнена фоном. Чужими эмоциями. Отрывками мыслей. Намерением встать раньше, чем человек вставал. Сейчас чайник просто шумел.

И вдруг в голове прозвучало: «Где?» Аркадий выронил чашку. Она разбилась. Вера вскочила. «Что?» Он смотрел в стену. «Где?»

Голос отсутствовал. Присутствие. Огромное и далёкое. На секунду Аркадий почувствовал снег. Дым. Десятки людей. И женщину, которая искала не его лично.

Искала всех. Он вскочил. «Ничего». Вера посмотрела. Аркадий закрыл глаза. Привычка солгать сработала быстрее решения. Он исправился.

- Нет. Дело в другом.

- Что?

- Кто-то меня слышал?

- Ты же отключился. «Я».

- Да.

Он смотрел на разбитую чашку. «Она». - Нет.

Валентина Руднева складывала вещи Кати в чемодан. Катя сидела на кровати и читала журнал.

- Это обязательно.

- Что?

- Ты сама складываешь.

Валентина остановилась.

- Мешаю.

- Нет. Странно.

- Почему?

- Обычно кто-то складывал за тебя.

- За меня тоже.

- Вот.

Валентина положила свитер.

Катя смотрела. «Когда вернёшься?» Раньше ответ был бы готов. «Скоро». Или «через два дня». Даже при полном отсутствии уверенности. Потому что мать должна была отвечать уверенно.

Родина-Мать - тем более. Валентина застегнула чемодан. «Не знаю». Катя удивилась.

- Серьёзно?

- Да.

- А куда?

- Старые объекты.

- Опять работа.

- Отчасти.

- Людей спасать?

Валентина подумала. «Проверить, остался ли кто-то, кого я помогала держать там».

Катя опустила журнал.

- Ты их держала?

- Да.

- Плохих?

- Не знаю.

- А тогда знала?

Валентина молчала. «Мне говорили, что знала». Катя смотрела на мать.

- А если они тебя убьют.

- Постараюсь не дать.

- Ты же Родина-Мать.

Валентина почти улыбнулась.

- Нет.

- Для меня можешь быть.

Эта фраза оказалась тяжелее молота. Валентина села рядом.

- Вот это как раз надо проверить.

- Что?

- Что я для тебя?

Катя закатила глаза. «Началось». Валентина рассмеялась.

Через десять минут ей позвонят. Пока телефон молчал.

В 08:40 в закрытом кабинете временного управления «Прометеем» собралось девять человек. Руководящая роль отпугивала всех. После Дроздова руководящие должности временно потеряли привлекательность. На столе лежала папка «ОРФЕЙ. 1969». Профессор Гольдин, которому было семьдесят три, открыл её осторожно, как будто внутри хранилась не бумага, а инфекция.

«Основной носитель - женщина, идентификатор Ш-1. Возраст на момент инцидента - приблизительно двадцать один год».

- Имя.

- Удалено из поздних копий.

- Почему?

- Не знаю.

- Вы работали в проекте.

- Я был младшим научным сотрудником.

- Значит, знаете.

Гольдин посмотрел на чиновника. «Молодой человек, в той системе младший научный сотрудник мог знать химический состав мочи объекта и не знать, на каком этаже находится объект». Иволгин сидел у окна.

«Что произошло в шестьдесят девятом?» Профессор перевернул страницу.

- Попытка усиления диапазона.

- Результат?

- Потеря локализации.

- Нормальными словами.

Гольдин поднял глаза. «Она связала несколько сотен человек». В комнате стало тихо. «Сколько?»

«Точная цифра спорная. По первичному отчёту - триста восемьдесят два. По поздней реконструкции - до пятисот». - «Что значит „связала“?»

«Часть передавала ощущения. Часть выполняла общие моторные команды. Были случаи копирования речи и памяти».

- Погибшие?

- Сто девяносто семь подтверждённых.

- От неё.

Гольдин помолчал. «От ситуации». Иволгин усмехнулся.

«Люблю научный язык. Он всегда первым изобретает способ не назначать виновного». Гольдин не отреагировал. «Тогда считалось, что способность ограничена расстоянием и количеством носителей. После инцидента её ввели в искусственную кому». - «Почему не ликвидировали?» Профессор перевернул страницу. Красная строка.

Прочитал: «Носитель демонстрирует потенциальную способность переноса когнитивной структуры через устойчивый контакт. Физическое уничтожение основного тела до подтверждения невозможности переноса запрещено». Один генерал нахмурился. «Переведите». - «Мы боялись, что, если убить тело, она останется в другом человеке».

- Может?

- Неизвестно.

- За шестнадцать лет не выяснили?

- Для проверки нужно было убить её.

- И?

- Вы удивительно быстро подошли к проблеме эксперимента.

Генерал хлопнул ладонью по столу.

«Значит, её нельзя просто застрелить». - «Я сказал другое. Последствия неизвестны».

- Это и называется нельзя.

- В военной логике, возможно.

Иволгин перелистнул «Феникс». Фотографии лежали в отдельных конвертах. Ноль.

Предел. Зеркало. Разрыв. Рой. Фатум. Атлас. Вавилон.

Святой. Отдельные карты без фотографий: Мор, Матка, Колокол, Лазарь. «Есть активы против неё?» Гольдин посмотрел.

- Старые? Нет.

- Новые?

- Возможно.

- Меня раздражает это слово.

- Наука редко строится на слове «точно».

- Пропаганда строится.

- Поэтому вы и работаете с лозунгами, а я - с людьми.

Иволгин улыбнулся. «Вы до сих пор думаете, что это разные материалы». Гольдин отвернулся. Временный куратор сказал:

- «Феникс» создавался как закрытая программа. Мы не будем повторять ошибку публичного Легиона.

Иволгин посмотрел на него.

- Будем.

- Что?

- Повторять.

- После седьмого ноября?

- Особенно после седьмого ноября.

- Страна видела, что Красный Легион был инструментом.

- Страна видела, что один инструмент сломался.

- И вы хотите показать новый?

- Я хочу показать людей, которые защищают страну от женщины, способной заставить мать убить ребёнка собственными руками.

Пауза.

- Она это делала.

- Пока нет.

- Тогда зачем вы говорите?

«Потому что к моменту, когда сделает, фраза должна быть готова». Временный куратор закрыл папку. «„Феникс“ - не публичный проект». Иволгин разложил фотографии на столе. «Проекты не бывают публичными. Публичными бывают лица». Он поднял карточку Ноля.

Молодой мужчина. Спокойный взгляд. Почти приятная внешность. «Этот может выключать способности других?» Гольдин кивнул.

- В ограниченном радиусе.

- Отлично.

Карточка Предела.

- Этот поглощает энергию.

- Да.

- Хорошо.

Разрыв. «Эта?» Гольдин помолчал.

- Пространственное смещение.

- Наглядно.

- Слишком.

Иволгин положил фотографию. «Значит, съёмку контролировать».

Чиновник сжал челюсть.

- Вы уже строите команду.

- Конечно.

- Я запрещаю.

- Тогда через неделю вы разрешите под другим названием.

- Почему вы так уверены?

Иволгин посмотрел на папку «Орфей». «Потому что у вас женщина ушла с объекта, который строили двадцать лет, чтобы она не ушла. Вам понадобится объяснить стране, почему этот побег доказывает обратное вашему заявлению о контроле».

- Мы можем сохранить всё в секрете.

- После седьмого ноября.

Иволгин слегка покачал головой. «Вы всё ещё живёте в прошлой неделе». Он собрал фотографии в ряд. «У нас две проблемы. Первая - женщина, которая может залезть стране в голову». - «Вторая?»

Иволгин поднял фотографию Ноля.

- Страна больше не верит в героев.

- Это последнее, что должно нас волновать.

Иволгин посмотрел на чиновника почти с сочувствием. «Поэтому вы и не умеете управлять страной». Он постучал карандашом по столу.

«„Феникс“ придумали как секретное оружие. Ошибка. Секретное оружие удерживает границу. Публичный герой удерживает объяснение, почему граница вообще существует». - «Вы предлагаете ещё один Красный Легион после того, что произошло?» Иволгин покачал головой. «Нет».

Все ждали. «Я предлагаю правильный Красный Легион».

В четырёхстах километрах от Москвы грузовой поезд остановился на разъезде, где расписание остановки вовсе не предусматривало. Машинист сначала ругался. Потом увидел людей у путей.

Тридцать с лишним человек. Некоторые в больничной одежде. Некоторые в форме охраны. Одна женщина в резиновом одеяле. Один врач. И беловолосая женщина, которую двое поддерживали под руки. Машинист потянулся к рации. Поздно.

В голове появилась мысль: «Получен приказ взять людей». Мысль была спокойная. Обычная. Служебная. Он даже вспомнил голос диспетчера.

- Заходите, - сказал машинист.

Двери открылись. Самойлов стоял рядом с Шёпотом. «Ты это сделала?» Она посмотрела.

- Что?

- Он остановился.

- Нам надо ехать.

- Это уклонение.

Шёпот коснулась сознания машиниста.

Соппротивление уже исчезло. Он действительно считал решение своим.

- Он согласен.

- Нет.

- Да.

- Ты заставила его согласиться.

Она нахмурилась. «Теперь согласен». Самойлов закрыл глаза. «Господи».

Шёпот вздрогнула.

- Кто?

- Что. «Господи»?

- Кто? Самойлов посмотрел на неё.

- Долго объяснять.

- Едем долго.

«До Москвы». - Долго. Она улыбнулась. «Тогда объяснишь». Шёпот села в кабине рядом с машинистом. Тот включил тягу. Поезд тронулся.

Она смотрела вперёд через стекло. Потом закрыла глаза и увидела дорогу глазами машиниста. Тёмные рельсы. Сигналы. Снег. Далеко, ещё почти неслышно, миллионы человеческих голосов существовали каждый отдельно. Шёпот слушала.

И впервые знала, куда идёт.

- Москва? - спросила она.

Машинист кивнул. «Москва». Он считал решение своим.

После первого перехода они не доехали до Москвы. Раненых пришлось укрывать, менять транспорт, добывать лекарства. Самойлов несколько раз настоял на остановке, когда тело Шёпота переставало выдерживать дорогу. Впереди неё двигались люди, уже связанные с Хором: уезжали по делам, возвращались к семьям, оставляли новые контакты. Её присутствие в столице началось гораздо раньше, чем к столице приблизилось физическое тело.

Дмитрий Орлов вышел из следственного изолятора через боковую дверь. Главный вход был занят журналистами. Боковая дверь пустовала. Только чёрная «Волга», водитель и человек в сером пальто, который не представился. Орлов остановился на ступенях.

Снег подтаял, снова замёрз и превратился в грязный лёд. После трёх недель в камере улица казалась слишком яркой. Он поднял лицо к небу. Никакого символизма не почувствовал.

- Машина ждёт, - сказал человек в пальто.

- Я вижу.

- Садитесь.

Орлов посмотрел на него. «Постановление об освобождении?» Человек достал бумагу. Орлов прочитал. Формулировка была прекрасной: «в связи с необходимостью проведения консультационных мероприятий особой государственной важности мера пресечения временно изменена». Вина оставалась. Формально оставался под стражей.

Временно изменён. В государстве, где человека десятилетиями можно было превратить в материал, свобода тоже оказалась мерой пресечения с другой формулировкой. Орлов вернул лист.

- Надолго?

- Что?

- Изменили.

- Не мне решать.

- Тогда зачем отвечаете?

Человек открыл дверь машины. «Садитесь, Дмитрий Сергеевич». Орлов сел.

Водитель тронулся. За углом, у главного входа, несколько человек держали плакаты. Орлов успел прочитать один: «ГДЕ ДЕТИ?» Второй: «БОЛЬНИЦА № 7 - НЕ ЗАБУДЕМ».

На третьем была фотография мужчины, которого Орлов не узнал. Он отвернулся. Человек в пальто заметил.

- Неприятно.

- Что именно?

- Когда помнят?

Орлов посмотрел на него.

- Вы кто.

- Подполковник Сазонов.

- Наконец-то.

- Что?

- Человек получил имя.

Сазонов не улыбнулся.

«Не привыкайте». Машина выехала на проспект. Москва за окном жила так, будто три недели назад в центре города не произошло ничего, что должно было изменить жизнь навсегда. Очереди. Троллейбусы. Дворники. Газеты. Люди шли на работу, обсуждали цены, погоду, соседей и то, кто на самом деле стрелял на площади.

Орлов спросил.

- Куда?

- Объект «Кедр».

Орлов повернулся.

- Закрыт в семьдесят девятом.

- Был.

- Что там?

Сазонов посмотрел в окно.

- Ваше будущее.
- Я учёный. Это звучит как угроза.
- Правильно звучит.

Объект «Кедр» находился там, где по карте был экспериментальный завод стройматериалов. Завод действительно существовал. Выпускал панели. Работники ходили через обычную проходную, получали зарплату, ругались из-за плана и понятия не имели, что под третьим цехом находились четыре подземных уровня. Орлова провели через склад цемента. У лифта стояли двое вооружённых людей без знаков различия.

- Серьёзнее стало, - заметил он.

Сазонов нажал кнопку.

- После ноября многие стали задавать вопросы.
- Это заразно.
- Вы должны были заметить раньше.

Лифт пошёл вниз. На втором уровне Орлов увидел новую эмблему. Выбор пал на другой знак. Серый круг, внутри стилизованная птица с расправленными крыльями.

Под ней: «ФЕНИКС».

Он хмыкнул.

- Кто придумал?
- Не знаю.
- Плохо. Название должно иметь автора.
- Зачем?
- Чтобы было кого обвинить.

Дверь открылась. Иволгин стоял в коридоре. В том же костюме, который носил на комиссии. Галстук новый.

«Дмитрий Сергеевич». Орлов остановился.

- Вы быстро восстановились.
- А вы быстро вышли.

- Видимо, стране снова понадобилась наука.

«Стране всегда нужна наука. Особенно когда надо объяснить, почему вчерашние преступления завтра называются разработкой». Сазонов посмотрел на обоих. «Генерал ждёт».

Иволгин пошёл рядом с Орловым.

- Вас предупреждали о Шёпоте.

- В машине сказали «особая важность».

- Значит, нет.

«Я знаю проект „Орфей“». Иволгин поднял бровь.

- Конечно знаете.

- Бездействовал. Изучал отчёты.

- И?

«Если то, что в них написано, правда, у нас проблемы».

«Уже лучше. Обычно вы называете проблемы „непредвиденной реакцией организма“». Орлов остановился.

- Вы меня сюда привезли издеваться.

- Нет. Для этого у меня есть свободное время.

- Тогда зачем?

Иволгин открыл дверь большого зала. «Посмотреть, чем вас заменили».

Генерал Александр Мещеряков был человеком, которого невозможно было представить на плакате. Невысокий. Лысеющий. Очки с толстыми линзами. Голос тихий. Если Дроздов занимал комнату одним присутствием, Мещеряков казался бухгалтером, случайно пришедшим на военное совещание. Орлов знал этот тип.

Такие люди редко кричали. Крик был им лишним. На столе лежали папки.

- Дмитрий Сергеевич.

- Товарищ генерал.

- Садитесь.

Орлов сел. Иволгин остался стоять. Мещеряков перелистнул документ.

- Ваши показания комиссии полезны.

- Рад.

- Рано.

- Чего?

- Радоваться.

Это не комплимент. Орлов почти улыбнулся. «Вы работали с ранними стабильными штаммами, ингибиторами, регенеративными сериями и комбинированными воздействиями».

- «Да». - «Вас обвиняют в незаконных экспериментах, организации поставок препаратов в закрытые клубы и превышении полномочий».

- Формулировка неточная.

- Какая часть?

- Превышение. Большая часть действий была санкционирована.

Мещеряков посмотрел через очки. «Именно поэтому вы здесь». Орлов промолчал.

- «Феникс» создавался параллельно старым программам, - продолжил генерал. - После утраты управляемости Красного Легиона проект ускорен. Мы изменили принцип.

- Какой?

- Больше не ломаем людей после формирования личности.

Орлов поднял бровь.

- Гуманизм.

- Эффективность.

Ломать дорого. Программировать раньше дешевле.

- Уже слышу лозунг, - тихо сказал Иволгин.

Мещеряков не посмотрел на него. «Каждый актив изолирован. Семейные связи исключены либо контролируются до формирования привязанности. Кураторы распределены. Полный персональный контроль запрещено отдавать одному человеку».

- Дроздов бы одобрил.

- Дроздов мёртв.

- Именно поэтому я могу предполагать.

Орлов знал, что часть этих правил существовала только на бумаге. «Феникс» собрали из прежних закрытых программ: Олег вырос в одной из них, другие пришли взрослыми, со своими семьями и преступлениями. Новым было единое управление и обещание не повторять старые ошибки. Биографии не начинались в день утверждения названия.

Мещеряков закрыл папку.

- Вы будете консультировать медицинский блок.

- Если откажусь?

- Вернётесь туда, откуда приехали.

- А если соглашусь?

- Возможно, тоже.

Позже - честно, я не занимаюсь мотивационной работой. Иволгин кашлянул. «Это моя часть». Мещеряков посмотрел на него.

- Ваша часть ещё не утверждена.

- Тем интереснее.

Генерал нажал кнопку на столе. «Начнём с Ноля».

Олег Веденин был красив ровно настолько, чтобы это раздражало. Высокий, светловолосый, лицо спокойное. Никаких шрамов. Никаких внешних признаков модификации. В двадцать семь выглядел как инженер из хорошей семьи, которого мать каждое воскресенье заставляла надевать чистую рубашку к обеду. Он стоял в центре испытательной камеры. За стеклом - врачи, Орлов, Мещеряков, Иволгин.

На другом конце камеры сидел прометей технической серии. Мужчина лет сорока, имя в карточке - Николай Вахрушев. Способность: усиленное сердце и сосудистая система, позволявшие выдерживать перегрузки до пятнадцати g. Использовался в авиационных экспериментах.

- Радиус? - спросил Орлов.

Врач ответил:

- Управляемый. Максимум по последним тестам - двенадцать метров устойчивого эффекта, до двадцати - частичного.

Поле можно было сужать и ослаблять, но оно не различало своих и чужих. Ноль подавлял текущую прометеевскую адаптацию в пределах действия. Обычная пуля не исчезала, уже полученный ожог не заживал, а сформировавшееся воспоминание не стиралось вместе со способностью.

- Механизм?

- Неизвестен.

Орлов посмотрел.

- Вы меня поэтому вытащили?

- В том числе.

Ноль сделал шаг.

Вахрушев вздрогнул. Ещё шаг. На мониторе частота сердечных сокращений изменилась.

- Что именно выключается? - спросил Орлов.

- Прометеевская адаптация.

- Слабое объяснение.

- Другого нет.

Олег подошёл ближе.

Вахрушев схватился за грудь. Сердце, десятилетиями работавшее в изменённой системе, внезапно стало обычным человеческим органом внутри тела, которое давно перестало быть обычным.

- Достаточно, - сказал врач.

Мещеряков промолчал. «Двадцать пять секунд». Вахрушев задышал чаще.

«Достаточно». Олег стоял спокойно. Его взгляд был прикован к секундомеру вместо человека. Тридцать. Кровь выступила у Вахрушева на губах. Орлов наклонился к стеклу.

«Увеличенное сердце?» - «До поля - да».

- А сосуды.

- Возвращаются к исходной геометрии.

- Вы его убьёте.

- Продолжить, - сказал Мещеряков.

Тридцать шесть. Вахрушев упал со стула. Олег наконец посмотрел. Сорок. Врач ударил ладонью по кнопке. «Прекратить!»

Ноль сделал шаг назад. Эффект ушёл с задержкой. Вахрушев дёрнулся. Врачи ворвались.

- Сорок одна, - сказал техник.

Олег повернул голову.

- Запишите сорок.

- Почему?

- Красивее.

Орлов посмотрел на него. Садизм тут ни при чём. Садист смотрел бы на человека. Олег смотрел на число. Врач начал массаж сердца.

Ноль спросил:

- Нужен я?

- Нет.

- Тогда отойду.

Он отошёл к стене.

- Всегда такой? - тихо спросил Иволгин.

Мещеряков ответил:

- Его растили внутри программы с шести лет.

- Родители?

- Нет устойчивых связей.

- Значит, «Феникс» уже выполнил методичку.

Орлов не отрывал глаз от Ноля.

- Что ему говорили о других прометеях?

- Правду.

- Какую именно?

Мещеряков посмотрел.

- Что они опасны.

- А он?

- Выключатель.

Вахрушева вернули. Сердце запустилось.

Ноль кивнул, словно эксперимент подтвердил расчёт.

В столовой Ноль ел один. Орлов пришёл позже, специально. Он хотел увидеть человека вне камеры. Олег пил чай без сахара и читал газету. Шахматную задачу.

Мимо проходил молодой лаборант. Технический прометей: суставы ног были усилены после врождённой патологии, благодаря чему мог работать в тяжёлых защитных костюмах дольше обычного. Олег после теста не сузил поле и не предупредил соседей по столовой. Лаборант подошёл слишком близко. Колено внезапно сложилось. Поднос рухнул. Тарелка разбилась. Лаборант схватился за ногу.

«Твою мать!» Ноль продолжил читать.

- Предупреждать надо, - сказал парень.

Олег перевернул страницу.

- Если бы я хотел подойти, ты бы узнал.

- Ты сидишь посреди столовой.

- Да.

- Значит, вокруг тебя нельзя ходить?

- Можно.

Дальше.

Лаборант сжал зубы. «Ты не центр мира». Ноль поднял глаза. «Для вашей физиологии в радиусе двенадцати метров - центр». Орлов сел напротив. «Очень располагающе».

Олег посмотрел.

- Вы Алхимик.

- Уже нет.

- Все называют.

- Все ошибаются.

- Часто?

- Постоянно.

Ноль вернулся к газете. «Тогда зачем спрашивать?» Орлов улыбнулся.

- Вы мне нравитесь.

- Это пройдёт.

Предела испытывали в зале, который раньше использовали для проверки брони. Борис Лапин был огромным даже без способности. Широкие плечи, квадратное лицо, коротко стриженные волосы. Он стоял без защитного костюма. Перед ним крупнокалиберный пулемёт.

- Боевые? - спросил Орлов.

- Да.

- Почему без брони?

- Мешает измерениям.

- Ему?

- Нам.

Пулемёт открыл огонь. Первая пуля ударила в грудь. Осталась на месте. Осталась снаружи. Просто потеряла скорость и упала на бетон сплюсненным куском металла. Вторая - то же.

Третья. Очередь. Предел стоял. На коже появились красные точки, но не раны. Энергия исчезала в нём. После двадцати секунд он поднял руку. «Хватит».

- Продолжить, - сказал Мещеряков.

Борис посмотрел на стекло. Пулемёт бил. Кожа на груди начала едва заметно светиться. «Температура растёт», - сообщил врач.

- Сколько?

- Сорок один и девять.

- Продолжить.

Борис сжал кулаки. Пули падали к ногам. Кровь пошла из носа. «Генерал». Мещеряков молчал.

- Я сказал хватит.

- Ещё десять секунд.

Предел посмотрел вверх.

Орлов понял раньше остальных. «Уберите людей с галереи». Поздно. Борис поднял ладонь. Коснулся бетонной колонны. Вся накопленная энергия вышла одним импульсом. Причина была другой.

Бетон просто решил, что его одновременно ударили десятки снарядов. Колонна разлетелась. Потолочная плита провалилась на техническую галерею. Крик. Металл. Пыль. Один лаборант исчез под плитой полностью.

Второго прижало по пояс. Третьему арматура прошла через бедро и вышла с другой стороны. Пулемёт замолчал. Борис стоял среди пыли. Кровь стекала по губе. Мещеряков включил связь.

- Это было предупреждение.

- Да.

- Принято.

- Хорошо.

Генерал повернулся к врачу. «Тест закончить». Орлов посмотрел на него.

- И всё?

- Что ещё?

- Два человека, возможно, мертвы.

- Это следствие нарушения техники размещения персонала.

- Он ударил специально.

- После того как попросил остановить тест.

Орлов усмехнулся. «Новая школа управления?» Мещеряков снял очки, протёр.

- Сломанное оружие стреляет хуже договороспособного.

- Вы называете это договором.

- Он предупредил. Я пропустил. Теперь услышал.
- Дроздов застрелил бы его.
- Поэтому Дроздов мёртв, а проект продолжает работать.

Позже Предел пришёл в медчасть. Лаборанта с арматурой спасли. Нogu тоже. Борис положил на тумбочку пачку сигарет. Раненый посмотрел.

- Это что?
- Сигареты.
- Я вижу.
- Тогда зачем спрашиваешь?
- Извиняешься?

Борис подумал.

- Нет.
- Отлично.
- В следующий раз ударю в пол.

Раненый посмотрел на перевязанное бедро. «Лучше в себя». Предел почти улыбнулся. «Боюсь, потолок всё равно пострадает». Он ушёл. Сигареты остались.

Таисия Северина лежала на медицинской кушетке и записывала собственное имя. Тёмные волосы были убраны за уши, открывая высокие скулы и красивое, почти безупречно симметричное лицо. Только взгляд не держался на месте, словно искал знакомое отражение. «Я - Таисия Михайловна Северина». Ниже: «Родилась 4 апреля 1957». «Люблю кофе». Зачеркнула. Написала:

- «Сомневаюсь». Орлов вошёл без стука. «Что это?» Таисия закрыла тетрадь.
- Моё.
- Медицинская документация?
- Нет.

- Тогда неинтересно.

- Поэтому и закрыла.

Орлов посмотрел на стойку с ампулами. «Сегодня электричество?»

Врач кивнул. «Серия Э-12». Игла вошла в вену. Кровь прометея была тёмной, почти обычной. Несколько миллилитров. Таисия лежала спокойно. Через минуту пальцы задрожали.

Между ними прошла синяя дуга. Лампа мигнула.

- Самочувствие.

- Нормально.

- Что видите?

- Вас.

- Воспоминания.

Таисия закрыла глаза.

- Станция.

- Какая?

- Не знаю.

- Люди.

- Женщина в зелёной шапке.

- Ещё.

- Хочется яблоко.

Орлов записал.

- Это ваше.

- Яблоки мне противны.

- Значит, нет.

После нейтрализации ей ввели вторую ампулу. На этикетке - «КТ-3/47».

- Красные Титаны? - спросил Орлов.

Врач кивнул. «Архивная серия». Таисия выгнулась.

Мышцы увеличились незаметно глазу, но металлическая рама кушетки скрипнула. Она села. Встала. Неожиданно приняла стойку. Левая нога вперёд. Плечо опущено. Кулак рядом с подбородком.

Орлов нахмурился.

- Вы умеете боксировать?

- Нет.

Таисия ударила воздух. И сама удивилась точности движения. «Кто носитель?» Врач посмотрел в карточку.

«Фёдор Гаврилов. Серия „Молот-3“. Погиб в сорок восьмом». Таисия повернула голову к санитарке. «Клавдия, воды». Женщина замерла. «Меня Наташа зовут».

Таисия побледнела. «Извините». Орлов записал.

- Кто Клавдия?

- Не знаю.

- Уверены?

- Нет.

Она села на кушетку. Потёрла виски.

- Уберите это.

- Что?

- Его.

- Кого?

- Не знаю.

Голос стал ниже. «Уберите». После процедуры Таисия открыла тетрадь. Орлов успел увидеть новую строку: «Я НЕ ФЁДОР».

Холодильный зал находился за тремя дверями. Орлов остановился на пороге. Полки уходили вдаль. Тысячи ампул. Кровь. Костный мозг. Срезы тканей.

Контейнеры с органами. Каждый подписан кодом.

- Сколько? - спросил он.

Врач ответил:

- Каталогизированных носителей - тысяча семьсот восемьдесят два. Частичные образцы ещё примерно от девятисот.

- С начала проекта?

- С дореволюционных коллекций тоже есть.

Орлов медленно прошёл вдоль полок.

- Государство ничего не выбрасывает.

- Полезное.

- Нет.

В отдельном холодильнике лежали свежие контейнеры. Орлов прочитал: «ВОЛКОВ И. И».

Индекс Пламени. Кровь. Костный мозг. Фрагмент мышечной ткани. Таисия Северина стояла рядом. «Это кто?» Иволгин вошёл в зал.

«Покойный герой Советского Союза». Орлов обернулся.

- Вы ходите тихо.

- Привычка редактора.

Северина смотрела на контейнер. «Что умел?» Иволгин взял карточку. «Гореть так, чтобы все вокруг жалели, что не умеют».

- Мёртв.

- Да.

Северина перевела взгляд на ампулу. Иволгин улыбнулся без радости. «Теперь, получается, не совсем». Таисия отвернулась.

- Отказываюсь.

- Ваше мнение здесь лишнее.

Иволгин произнёс это автоматически.

Потом остановился. Орлов заметил.

- Уже учитесь.

- Чему.

- Слышать, как звучат старые фразы.

Иволгин положил карточку обратно.

- Я учусь быстрее системы.

- Сомневаюсь.

- Я тоже.

Разрыв попросила живую мишень через три минуты после знакомства. Влада Невская была тонкой, жилистой женщиной с длинными пальцами и короткими чёрными волосами. Резкие скулы, ясные серые глаза, красивый рот, которому слишком легко давалась улыбка. Глаза были слишком весёлыми. Перед ней на столе лежала туша свиньи.

- Это оскорбительно, - сказала она.

Врач не отреагировал.

- Почему?

- Свинья уже мёртвая.

- И?

- Пространство ведёт себя иначе, когда человек дёргается.

Орлов посмотрел на Мецзякова.

- Она серьёзно.

- Всегда.

Влада подняла руку. Провела пальцами в воздухе. Обошлось без света.

Тишина. Просто половина головы свиньи исчезла. Через долю секунды появилась в трёх метрах и упала на пол. Срез был идеально гладким. Кровь начала течь только потом.

- Красиво, - сказала Влада.

Второй объект - бетонный куб. Она посмотрела. Сдвинула ладонь. В центре куба возникла пустота размером с кирпич. Сам кирпич упал рядом. «Радиус?»

- До десяти метров устойчиво, - ответил врач.

- Максимальная масса зависит от объёма и точности.

«Живое?» Влада улыбнулась. «Очень хорошо работает». Орлов прочитал карточку.

«Три убийства до проекта». - «Четыре», - поправила Влада.

- В деле три.

- Значит, один качественно сделала.

Иволгин стоял у стекла. Красным карандашом написал: «ИНТЕРВЬЮ - ТОЛЬКО ПО СЦЕНАРИЮ».

Разрыв увидела. «А если без?» Иволгин поднял лист.

- Тогда вы останетесь секретным активом.

- Какая потеря. «Для вас»?

- Нет. Для меня.

- Лишняя работа.

Влада усмехнулась.

- Вы мне нравитесь.

- Второе признание за сегодня.

Надо проверить вентиляцию.

Лазаря разрезали под наркозом. Агата Резникова лежала под операционным светом с таким спокойным лицом, будто всё происходящее относилось к кому-то другому. Медные волосы были убраны под колпак, даже бледность не портила тонких черт и мягкой линии губ. Орлов не впечатлился. Он видел операции хуже. Агате ампутировали руку выше локтя. Сосуды пережали. Культю обработали.

- Примитивно, - сказал Орлов.

Врач посмотрел на часы. «Подождите». Через двенадцать минут кость начала расти. Точнее - «перестраиваться». Рости.

Белая ткань вышла из культи, вокруг неё формировались сосуды. Мышцы собирались слоями. Нервы протягивались тонкими нитями. Агата пришла в сознание. Открыла глаза.

- Есть хочу.

- Питание идёт внутривенно.

- Не то.

Кожа на новой руке ещё не сформировалась.

Красное влажное мясо двигалось. Медсестра поднесла контейнер с животной тканью. Агата протянула недоросшую конечность. Поверхность культи коснулась мяса. Ткань начала втягиваться. Поверхность тела втягивала ткань напрямую, без рта и какого-либо отверстия.

Просто растворялась на контакте и переходила в растущую руку. Медсестра отвернулась.

- Живая ткань быстрее, - сказал врач.

Орлов посмотрел. «Пробовали?» Пауза.

- Был аварийный случай.

- Какой?

Агата улыбнулась. «Санитар поскользнулся».

- После разрушения половины туловища актив восстановился, используя тело погибшего сотрудника, - сказал врач.

- Погибшего до контакта?

- Частично.

Орлов посмотрел на Агату. «Частично погибшего?» Лазарь была очень вежлива.

- Он всё равно не выжил бы.

- Откуда знаете?

- Теперь знаю устройство его печени.

Орлов впервые за день остался без реплики.

Агата посмотрела на новую кисть. Пошевелила пальцами.

- Дмитрий Сергеевич.

- Что?

- Вы когда-нибудь задумывались, сколько весит человек без воды.

Орлов закрыл блокнот.

- Нет.

- Зря.

Интересное число.

Обычная пища поддерживала Агату между ранениями. Быстрое восстановление большой утраты тканей требовало отдельного источника материала, без него организм расходовал собственные запасы. Способность не отменяла голод и не гарантировала возвращения после любого разрушения мозга.

Рой делилась долго. Иволгин попросил не снимать начало на плёнку.

- Почему? - спросил Мещеряков.

- Потому что дети будут покупать календарь.

- Она военный актив.

- Через месяц вы сами попросите календарь.

Дарина Ветрова стояла обнажённой по пояс. Стройная, с сильными плечами, рыжеватыми волосами и россыпью веснушек на красивом открытом лице. До первого движения она казалась слишком живой для этого зала. Сначала по груди прошла красная линия.

Потом кожа разошлась. Позвоночник начал разделяться. Дарина застонала. Из одного тела формировалось второе. Скорее человеческое тело пыталось родить само себя через все поверхности сразу, чем создавало копию из воздуха. Кровь стекала на пол. Две Дарины упали на колени.

Обе тяжело дышали.

- Ненавижу первый, - сказала левая.

- Второй легче, - ответила правая.

Они посмотрели друг на друга.

- Я это сказала.

- Нет, я.

- Мы обе.

Через пять минут их было четыре. Потом восемь. Каждая получила одежду. Иволгин смотрел с профессиональным интересом. «Они одинаковые?» Врач ответил.

- На момент разделения. Затем опыт расходится.

- Память?

- При объединении синхронизируется.

Мещеряков сделал знак. Одну копию вывели к стене. Дарины перестали улыбаться.

Одежда не копировалась. Для испытаний и выездов держали запас одинаковых комплектов. Число тел ограничивалось состоянием Дарины: новое деление отнимало силы, даже когда аппаратура не умела объяснить происхождение всей возникающей ткани. Последние ощущения погибшей копии оставляли след в общей прометеевской структуре, переживала их она обычно только при следующем объединении.

- Это обязательно? - спросила одна.

«Да». Охранник поднял пистолет. Выстрел. Голова копии дёрнулась. Кровь и мозговая ткань ударили в стену. Тело упало. Остальные семь вздрогнули.

- Чувствовали? - спросил врач.

- Нет, - ответили несколько голосов.

«Теперь объединение». Шесть копий слились обратно.

Процесс выглядел не лучше деления. Кожа растворялась в коже. Кости входили друг в друга. Через минуту осталась одна Дарина. Она стояла. Потом лицо изменилось. Она схватилась за затылок.

Упала. Закричала. Руки попытались закрыть воображаемое отверстие в голове. «Я умерла». Врач присел.

- Это память.

- Я знаю.

- Дышите.

Дарина засмеялась сквозь слёзы. «Пятый раз всё ещё неприятно».

- А на шестой? - спросил Иволгин.

Дарина подняла голову. «Посмотрим». Разрыв стояла в дверях. «Могу помочь». Рой посмотрела. «Чем?»

«Проверить, что будет, если разделить тебя вопреки программе». - «Сначала проверим на тебе». Они улыбнулись. Иволгин написал ещё одну заметку: «НЕВСКАЯ + ВЕТРОВА - НЕ САЖАТЬ ВМЕСТЕ В ПРЯМОЙ ЭФИР».

Фатум пила чай. Эвелина Зорина была красивой женщиной с тёмными глазами и густыми каштановыми волосами, перехваченными на затылке. Тени под глазами делали лицо старше, но не грубее. Она выглядела уставшей ещё до теста. Три стрелка стояли за перегородками. Каждый должен был выбрать момент самостоятельно. Первый поднял оружие. Эвелина наклонила голову за секунду до выстрела. Резиновая пуля прошла мимо.

Второй выстрелил почти одновременно. Фатум уже сделала шаг. Третий задержался. Эвелина поставила чашку на стол. «Хватит». Стрелок выстрелил. Фатум села.

Пуля прошла над головой.

- Сколько видите? - спросил Орлов.

- Сейчас?

- Да.

- Семнадцать ближайших вариантов.

- Почему не больше?

- Потому что вы скучный.

- А если толпа?

Эвелина поморщилась.

- Тысячи.

- Тогда лучше.

- Тогда хочется вырвать глаза.

Иволгин подошёл ближе.

«Что я сейчас скажу?» Фатум посмотрела на него. «В семи вариантах спросите, нравитесь ли вы мне. В четырёх попросите назвать карту. В одном промолчите». Иволгин молчал. Эвелина улыбнулась.

- Теперь уже в двух.

- Что во втором?

- Вы спросите, что во втором.

Иволгин рассмеялся.

- Ненавижу вас.

- В трёх вариантах вы это говорили.

Позже, когда все выходили, Фатум задержала Иволгина. «В большинстве вариантов вы всё равно продолжаете». Иволгин остановился. «Что именно?»

Эвелина закрыла глаза. «Вот поэтому пока промолчу».

Атлас убила инженера случайно. Случайность была заранее известна почти всем, кроме инженера. Вероника Горская стояла на стальной плите. Очень высокая, широкоплечая, с сильными руками и гладко зачёсанными светлыми волосами. Красивое лицо с прямым носом и тяжёлым спокойным взглядом не менялось ни перед камерой, ни перед испытанием.

- Десять тонн, - сказал техник.

Плита прогнулась. «Пятьдесят».

Вероника внешне осталась прежней. Только металл под ногами пошёл вниз. «Сто». Крепления закрипели. «Двести». Техник у пульта поднял руку.

- Внизу человек!

Мещеряков повернулся.

- Кто?

- Инженер связи.

- Он зашёл на технический этаж.

Вероника услышала. Орлов видел по лицу.

- Остановить тест, - сказала Атлас.

- Ещё пять секунд.

- Там человек.

- Он должен был выйти.

- Вероника.

Масса выросла. Плита лопнула. Атлас провалилась. Снизу пришёл короткий крик. Потом влажный звук. Когда Вероника уменьшила массу и поднялась, инженер лежал между двумя плитами.

Человека практически не осталось в объёме. Кровь вытекала тонким слоем. Вероника посмотрела вниз.

- Я предупреждала, что там кто-то есть.

- Не вы. Техник, - ответил Мещеряков.

Вероника пожала плечами.

Психолог позже спросил:

- Вы видели человека перед увеличением массы?

- Да.

- Почему не остановились?

- Тогда пришлось бы повторять тест.

- И?

Вероника посмотрела на него как на глупого.

- Я предпочитаю говорить один раз.

Вавилон говорила шёпотом. Причина была иной: боялась собственных слов. Алиса Туманова стояла перед тремя добровольцами. Светло-каштановые волосы касались воротника, зелёные глаза следили за каждым движением людей напротив. Её красота была тихой, не требующей внимания, губы перед первой командой сжались так, словно за ними держали оружие. Иволгин спросил:

- Готовы?

- Нет.

- Отлично. Начинайте.

Алиса вдохнула.

- Встаньте.

Трое людей поднялись. Сразу. Скорее так, будто решение давно созрело в теле, чем по приказу офицера.

- Сядьте.

Сели.

- Поднимите правую руку.

Подняли. Орлов смотрел на мониторы мозга.

- Сопротивление?

- Минимальное.

- Усложнить, - сказал Мещеряков.

Вавилон побледнела.

- Нет.

- Это приказ вам, не им.

Алиса закрыла глаза.

- Задержите дыхание.

Трое перестали дышать. Десять секунд. Двадцать. Один начал краснеть. Тело хотело вдохнуть. Команда держала.

- Отмена, - сказал врач.

Вавилон молчала.

- Алиса!

Она открыла глаза.

- Дышите.

Трое одновременно вдохнули. Один упал на колени. Вавилон отвернулась.

- Всё.

Мещеряков сказал:

- Ещё тест.

- Нет.

- Почему?

- Потому что я сказала.

- Ваше слово работает только на них.

Вавилон посмотрела.

- Хотите проверить?

Мещеряков впервые за день улыбнулся.

- Нет.

После теста Алиса записала в блокнот: «Встаньте. Сядьте. Поднимите правую руку. Задержите дыхание. Дышите». Иволгин заглянул.

- Зачем?

- Чтобы помнить.

- Что?

- Что я сказала.

- Вы всегда записываете?

- Всегда.

- На телевидении будет сложно.

Алиса подняла глаза.

- Вы хотите дать человеку, лишённому возможности безопасно сказать «стой», микрофон на всю страну?

- Именно поэтому заранее решим, что вы скажете.

- А если импровизация?

- Запрещена.

- Люди импровизируют.

- Герои - нет.

Вавилон посмотрела на него.

- Теперь понимаю, почему первый Легион сломался.

Иволгин промолчал.

У Святого была не способность Вавилона. Он не передавал телу буквальный приказ голосом: рядом с ним росли доверие, привязанность и желание заслужить одобрение. Слова направляли уже возникшую зависимость. Сделать голос тише было недостаточно, чтобы надёжно убрать поле.

Святой вошёл в комнату, и медсестра у двери улыбнулась. Она не собиралась. Просто улыбка появилась раньше мысли. Николай Светлов заметил. Всегда замечал.

- Доброе утро.

- Доброе, - ответили сразу трое.

Он выглядел идеально. Красота была вполне земной. Хуже. Достаточно красиво, чтобы человек терял способность объяснить, почему через минуту ему уже хочется понравиться.

Спокойные глаза. Мягкая улыбка. Голос без нажима. Иволгин сидел напротив.

- Как себя чувствуете?

- Рядом с вами прекрасно.

- Это шутка?

- Нет.

Николай улыбнулся шире. Гримёрша поправляла ему воротник дольше, чем требовалось.

- Вы замужем? - спросил Святой.

- Да. Счастливо.

Она задумалась.

- Наверное.

- «Наверное» - плохое слово.

Женщина покраснела.

- Я могу... если хотите...

Иволгин поднял руку.

- Хватит.

Николай посмотрел на него.

- Я просто стоял.

- Именно это и проблема.

Охранник рядом снял часы.

- Возьмите.

Святой принял.

- Спасибо.

Иволгин посмотрел.

- Это считается подарком или государственным имуществом?

Николай рассмеялся.

- Вы мне нравитесь.

- Мне сегодня все это говорят.

- Возможно, вентиляция здесь ни при чём.

Иволгин впервые улыбнулся искренне. Потом в комнату вошёл Ноль. Святой повернулся к нему.

Обычно происходило одно и то же. Новые люди смягчались. Взгляд задерживался. Плечи расслаблялись. Даже те, кто заранее знал способность, через несколько минут начинали считать, что влияние на них почему-то слабее, чем на остальных. Олег посмотрел. Ничего.

Святой подошёл ближе. Ноль отступил на шаг. Причина была иной: избегал близости.

- И что ты чувствуешь? - спросил Николай.

- Раздражение.

Святой замер.

- Почему?

- Потому что спрашиваешь.

- Совсем ничего?

- К тебе?

- Да.

Ноль подумал.

- Ещё раздражение.

Иволгин наблюдал. Поле Ноля подавляло способность Святого. Николай впервые за много лет столкнулся с человеком, который смотрел на него просто как на неприятного собеседника.

Он улыбнулся. Но в глазах появилось что-то холодное.

- Мы подружмся.

- Не обязательно, - ответил Ноль.

Мор жила за стеклом. Снежана Вельская была худой женщиной с очень сухой кожей и тёмными волосами, коротко остриженными почти под корень. Большие светло-серые глаза и тонкие скулы делали её красивое лицо особенно заметным в пустой гермокамере. Воздух в её секторе проходил через несколько фильтров. Вход разрешался только в герметичном костюме.

- Она управляет микроорганизмами? - спросил Орлов.

Врач покачал головой.

- Шире. Иммунные реакции, микрофлора, патогенная среда. Мы до конца не понимаем.

За стеклом сидел подопытный кролик. Мор посмотрела. Через минуту животное начало тяжело дышать. Ещё через две легло.

- Что?

- Цитокиновая реакция.

- Она запускает иммунную систему против организма?

- Да.

Снежана сказала через микрофон:

- Можно наоборот.

- Что?

- Остановить.

- Покажите.

Кролик перестал дёргаться. Показатели стабилизировались. Снежана улыбнулась.

- Видите? Я умею и хорошее.

- На человеке сколько? - спросил Орлов.

- До необратимого поражения - от минут до часов, зависит от реакции.

Мор услышала.

- Быстрее могу.

Иволгин написал: «НЕ ПУБЛИКОВАТЬ МЕХАНИКУ».

Матка отказалась демонстрировать способность. Инга Савельева сидела на кровати, укрытая халатом до подбородка. Тридцать два года. Очень короткие волосы. Лицо серое от хронической анемии. Мещеряков сказал:

- Нужно показать консультанту.

- Нет.

- Инга.

- Нет.

- Это приказ.

Она подняла глаза.

- Тогда рожайте сами.

Орлов заинтересовался.

- Болезненно?

Инга посмотрела на него с ненавистью.

- Давайте я из вашей спины сделаю собаку, а потом спросите.

В соседнем контейнере лежало существо размером с крупную крысу. Без кожи. Четыре слишком длинные конечности. Существо было слепым, но поворачивало голову на звук. Иволгин увидел.

- Нет.

Мещеряков спросил:

- Что нет?
- Публикации.
- Я не предлагал.
- На всякий случай.
- Полезный актив.
- Возможно.

Иволгин смотрел на существо. «Но ребёнок должен захотеть фигурку героя. Этого ребёнка потом увидит во сне». Инга неожиданно засмеялась. «Наконец-то от вас польза».

Колокол была лишена нормальной речи. Милена Островская носила металлический ограничитель на длинной шее. Светлые волосы она заплетала, чтобы не цеплялись за крепления, на красивом лице с большими карими глазами неподвижными оставались только губы. Голосовые связки частично повредили во время операции - специально. Она написала на доске: «НЕ СНИМАТЬ».

- Что? - спросил Орлов.

Милена показала на ограничитель.

- Не собираемся, - сказал Мещеряков.

Милена написала: «ВРЁТЕ».

Генерал пожал плечами. «Возможно». Для теста открыли бетонный полигон. Ограничитель ослабили на одну ступень. Милена вдохнула. Произнесла одно хриплое: «А».

Ударная волна прошла по залу. Стекло на расстоянии сорока метров лопнуло. Манекены разорвало в местах соединений. Орлов почувствовал удар в груди даже за защитой. «Полный голос?» Врач ответил:

- Не проверяем в помещении.
- Проверяли где-то?
- Один раз.
- Результат?
- Три здания под снос.

Милена написала:

«ЧЕТЫРЕ».

К марту 1986 года «Феникс» перестал быть проектом. Он стал расписанием. Съёмки. Тренировки. Медосмотры. Инструктажи. Костюмы.

Иволгин выиграл спор благодаря самой угрозе: Шёпот двигалась к Москве, а слухи двигались быстрее. В Горьком двадцать семь человек одновременно купили билеты на Москву. В Рязани четыре женщины в разных районах утром обнаружили одинаковое чужое воспоминание о рыбалке на Волге. В Калинин водитель автобуса проехал конечную и ещё восемь километров, уверенный, что маршрут изменён. Пассажиры тоже были уверены. В одном военном госпитале шестеро пациентов одновременно произнесли:

«Там громче». После этого Мещеряков подписал документ о создании «временной публичной группы специального реагирования». Название в документе было сухим. На плакате Иволгин написал другое. «КРАСНЫЙ ЛЕГИОН».

Чиновники возмущались два дня.

- Название уничтожено, - сказал один.
- Значит, освободилось, - ответил Иволгин.
- Люди связывают его с преступлениями.
- Именно поэтому отдавать название противнику нельзя.
- Какому противнику?
- Памяти.

Мещеряков посмотрел.

«Вы хотите победить память?» Иволгин покачал головой. «Нет. Переименовать».

Съёмочный павильон выглядел как фабрика героев. Ноль стоял отдельно. Ему дали тёмно-красный костюм без плаща.

- Почему без? - спросил художник.

Иволгин ответил:

- Плащ был у Валентины. Силуэт должен отличаться.

Предел получил тяжёлую куртку с металлическими вставками.

- Я это не надену в бою.

- В бою никто не просит.

- Тогда зачем?

- Чтобы человек в журнале понял, что вы тяжёлый.

Борис посмотрел на собственные плечи.

- Не видно.

- На фотографии всё надо объяснять дважды.

Рой получила восемь одинаковых комплектов.

- А если девять?

- Снимем восемь.

- Девятая обидится.

- Пусть пишет жалобу.

Фатум отказалась от значка.

- Почему?

- В большинстве вариантов он цепляется за ремень.

- На съёмке ремня нет.

- Потом будет.

Иволгин вздохнул.

- Носите в кармане.

- В трёх вариантах потеряю.

- Тогда не носите.

- Уже лучше.

Атласу придумали фразу:

«На ней держится страна». Вероника прочитала.

- Буквально могу.

- Именно поэтому метафора работает.

Вавилону дали четыре заранее написанные реплики. Она прочитала.

- Здесь «остановитесь».

- Да.

- Уберите.

- Почему?

- Потому что зрители услышат.

Сценарист поблел.

Иволгин зачеркнул. Разрыв увидела камеру.

- Можно трюк?

- Нет.

- Вы не знаете какой.

- Поэтому нет.

- Я могу переставить фотографу ухо.

Фотограф отступил.

- Влада, - сказал Иволгин.

- Шучу.

- Я знаю. Именно поэтому нет. Лазаря снимали после полной регенерации. Никаких кадров восстановления. Только здоровая, вежливая женщина. «Способность назовём „невероятная живучесть“», - сказал Иволгин.

Агата улыбнулась.

- А питание.

- Не назовём.

- Жаль.

Зеркало стояла перед большим красным знаменем. Слоган: «НАСЛЕДНИЦА ПОДВИГОВ ПОКОЛЕНИЙ».

Таисия прочитала.

- Раздражает.

- Почему?

- Слишком буквально.

Иволгин посмотрел на неё.

- Именно поэтому нравится мне.

- Я отказываюсь быть мёртвыми людьми.

- В кадре не будете.

- А вне.

Иволгин промолчал. Святой вышел последним. Павильон изменился.

Гримёры стали смотреть внимательнее. Оператор выпрямился. Фотограф попросил ещё дубль, хотя предыдущий был идеальным. Николай улыбался в объектив.

- Крупнее, - сказал он.

Иволгин поднял голову.

- Что?

- Камеру. Крупнее.

- Почему?

- Так лучше.

- Для кого?

Святой улыбнулся. «Для всех». Иволгин секунду смотрел. «Средний план». Николай перестал улыбаться.

- Почему?

- Потому что вы уже начали режиссировать.

- Я помогаю.

- Обойдусь.

Ноль стоял у стены и наблюдал. Святой посмотрел на него. Олег сохранил прежнее выражение. Это раздражало всё сильнее.

После съёмки их развели по разным коридорам. Иволгин смотрел на общую фотографию. Десять человек стояли плечом к плечу. На снимке - команда. В реальности через минуту Ноль ехал на один объект, Предел - на другой, Святой - в отдельный санаторий, Рой - в медицинский блок, Вавилон - под охраной в звукоизолированную квартиру.

- Они едва знакомы, - сказал фотограф.

- Знают.

- Я имею в виду нормально.

Иволгин посмотрел на снимок.

- Тем лучше.

- Почему?

- Старый Легион стал семьёй.

- И?

- Семья однажды решила, что важнее приказа.

Фотограф промолчал. Иволгин провёл пальцем по фотографии.

- Эти выглядят как команда только в объективе.

- Идеально.

Иволгин кивнул.

«Идеально». Дверь открылась. Мещеряков вошёл с рапортом. Остался стоять. «У нас подтверждение». Иволгин поднял глаза. «Где?»

«Под Горьким. Потом Владимирская область. Групповые провалы памяти. Синхронные перемещения. Один эпизод моторного контроля».

- Она идёт сюда.

- Похоже.

Мещеряков положил рапорт. На полях карандашом было написано:

«ШЁПОТ». В павильоне Святой смеялся с гримёршей. Девушка смотрела на него так, будто остальные люди в комнате перестали существовать. Мещеряков посмотрел через стекло. «Значит, рекламу придётся закончить раньше». Иволгин взял фотографию нового Легиона.

- Нет.

- Что?

- Не закончить.

Он посмотрел на ряд лиц.

«Начать».

Вечером молодой чиновник управления пришёл домой. Жена готовила ужин. Он снял пальто. Поцеловал её. Посмотрел на фотографию на комоде. «Ты переставила?» Жена обернулась.

- Что?

- Фотографию.

- Какую?

- Родителей.

- Она всегда там.

- Нет.

- Была у окна. - Саша, она три года стоит на комоде. Он подошёл. На фотографии мужчина и женщина сидели у моря. Мужчина держал газету. Женщина улыбалась. Чиновник знал этот день.

Крым. 1964 год. Отец тогда обгорел. Мать потеряла туфлю на пляже. Он помнил всё. Только люди на фотографии были ему незнакомы. Он почувствовал холод.

«Это не мои родители». Жена посмотрела.

- Конечно не твои.

- Тогда почему я помню?

В другом конце Москвы женщина пятидесяти лет остановилась у плиты. Внезапно вспомнила, как мальчиком украла у отца сигарету. Она родилась женщиной. Шёпот была ещё далеко.

Но Хор уже учился тянуться вперёд. На следующий день Иволгин потребовал общую репетицию. Мещеряков отказал.

- Они не должны находиться вместе без необходимости.
- У нас публичная команда.
- У нас группа специальных активов.
- В газете это плохо помещается.
- Мне плевать на газету.
- Именно поэтому газета переживёт вас.

Мещеряков снял очки. «Андрей Петрович, я подписал публичную программу только из-за угрозы Шёпота».

- Я знаю.
- Не делайте вид, что получили собственную киностудию.
- Мне не нужна студия. Мне нужна управляемая ошибка.
- Что?

Иволгин положил фотографии на стол.

«Если они встретятся впервые перед реальной операцией, любое человеческое несовпадение станет боевым фактором. Ноль выключит не того. Разрыв пошутит не с тем. Святой заденет гордость человека, которого нельзя злить. Предел решит, что приказ снова не слышат. Я хочу увидеть катастрофу в помещении с врачами раньше, чем в центре Москвы». Генерал смотрел несколько секунд.

«Иногда вы говорите разумные вещи так, будто специально хотите, чтобы их не приняли». «Иначе люди перестают слушать конец». Общую репетицию назначили на вечер. Ноль пришёл первым. Вавилон пришла второй и сразу села в углу. Предел вошёл, посмотрел на Олега и остановился за пределами двенадцати метров.

- Дальше не подойдёшь? - спросил Ноль.
- А зачем?
- Не знаю.
- Вот и я.

Рой пришла в трёх экземплярах. Иволгин нахмурился.

- Почему три?

- Одна хотела спать.

- Где?

- Спит.

- А вы?

- Не хотели.

- Потом объединитесь.

- Если договоримся.

Разрыв появилась рядом с ними и посмотрела на одинаковые лица. «Вы уже спорите, которая из вас настоящая?»

Три Дарины ответили одновременно: «Нет». Пауза. «Она». Каждая показала на другую. Разрыв засмеялась. Предел покачал головой. «Детский сад».

- Сказал человек, который уронил потолок, - ответила одна Рой.

- Я предупредил.

- Потолок тоже.

Борис сделал шаг. Рой отступила.

- Если подойдёте ближе, обоим станет хуже, - произнёс Ноль.

Предел посмотрел.

- Мне.

- Да.

- Проверим.

- Позже.

- Почему?

- Иволгин хотел увидеть человеческое несовпадение, не медицинское.

Все повернулись к Иволгину. Он медленно сказал: «Очень приятно, что служебные разговоры снова распространяются быстрее приказов».

Фатум вошла и сразу остановилась у двери.

- Через двадцать секунд сюда зайдёт Святой, - сказала она.

Иволгин посмотрел на часы.

- И?

- Ноль его раздражает.

- Это мы знаем.

«Через тридцать восемь секунд Разрыв предложит проверить поле Ноля на части тела Святого».

Влада подняла палец. «Уже не предложу». Фатум поморщилась. «Спасибо. Одиннадцать ветвей исчезло». Дверь открылась. Святой вошёл.

В комнате произошло почти физическое смещение внимания. Даже Предел посмотрел. Рои замолчали. Вавилон опустила глаза. Она знала, что чувство ей навязано, и от этого чувствовала его ещё сильнее. Святой улыбнулся. «Добрый вечер».

- Был, - ответил Ноль.

Николай посмотрел на него.

- Ты всегда такой.

- Какой?

«Как будто тебе выдали личную норму недовольства на пятилетку». «А ты всегда задаёшь вопросы, ответы на которые не хочешь слышать?»

- О, началось, - тихо сказала Рой.

Разрыв открыла рот. Фатум подняла руку.

- Хватит.

- Я ничего.

- В трёх вариантах это заканчивалось ухом.

Влада пожала плечами. «Тогда скучно». Иволгин хлопнул папкой по столу.

«Вот поэтому мы здесь». Он показал на отметки на полу.

«Ваши позиции. Задача простая: условный противник входит через северную дверь, обладает неизвестной прометеевской способностью. Ноль - отключение. Предел - прикрытие. Фатум - прогноз. Вавилон молчит, пока не получит отдельную команду. Разрыв - только по обозначенной цели. Рой - разведка. Святой...»

Николай улыбнулся.

- Вдохновляю?

- Стоите красиво без дела.

- Самая сложная роль.

- Для вас.

- Возможно.

Тренировочная мишень вошла. Человек в тяжёлом костюме имитировал противника.

- Ноль, два шага вправо, - сказала Фатум.

Олег не двинулся.

- Почему?

- В шести вариантах он бросает гранату влево.

- У него нет гранаты.

- В этом варианте.

- Значит, бесполезно.

- Нет.

- Значит, вы плохо моделируете. Мещеряков наблюдал через стекло. «Они саботируют». Иволгин покачал головой.

«Нет. Они живут». «Это одно и то же, если приказ не выполнен». «Вот эту ошибку Дроздов уже проверил». В зале мишень резко бросилась к Святому. Предел перехватил удар. Ноль одновременно подошёл ближе.

Поле задело Бориса. Предел рухнул на одно колено. Его способность исчезла, но накопленная в тканях тепловая энергия осталась. Организм перестал уметь безопасно её удерживать. Кожа на руках мгновенно покрылась пузырями.

- Назад! - крикнул врач.

Ноль отступил. Предел встал. Посмотрел на Олега. «Ещё раз так сделаешь - выбью тебя из радиуса до того, как включишься».

- Если успеешь.

- Хочешь проверить.

- Нет.

Борис остановился. «Почему все отказываются, когда предлагаю?»

- Потому что ты большой, - ответила Рой.

Святой подошёл к Пределу. «Он случайно». Борис посмотрел на него. Через несколько секунд злость стала слабее. Осталась. Просто Николай начал казаться разумным человеком, которого стоит выслушать.

Предел понял. «Уйди». Святой улыбнулся.

- Я помогаю.

- Уйди от меня.

- Борис.

Предел ударил себя кулаком по груди. Слабо, но достаточно, чтобы боль перебила тёплую волну доверия.

«Я сказал уйди». Николай отступил. Впервые Иволгин увидел, что Святой оказался зависим от ощущения влияния. Ему не нравилось, когда человек выбирал неприятное чувство вместо навязанного приятного. На лице на секунду появилась обида. Потом исчезла.

- Это плохая ветка, - тихо сказала Фатум.

Иволгин повернулся.

- Что?

- Ничего.

- Вы уже начали говорить как я.

- В большинстве вариантов это заразно.

Первый телевизионный материал нового Легиона вышел вечером двадцать первого марта. Только запись. Иволгин настоял. Три минуты сорок секунд. Ни слова «Феникс». Диктор говорил о «временном подразделении защиты гражданского населения, сформирован-

ном после выявления преступных злоупотреблений отдельных должностных лиц». Ноль стоял неподвижно.

Предел держал обломок бетонной плиты, заранее облегчённый реквизиторами, хотя мог держать настоящую. Рой появлялась в четырёх экземплярах, помогая условным спасателям. Фатум предотвращала постановочную аварию. Вавилон всё время молчала. Разрыв переносила кусок металлической конструкции, никаких частей тела. Зеркало на секунду демонстрировала силу старой архивной серии. Атлас удерживала рухнувшую ферму. Лазарь появлялась только в строю.

Святой говорил последнюю фразу: «Сила существует ради того, чтобы человек знал: его защитят, а не ради страха перед государством». Иволгин смотрел запись в аппаратной. Молодой редактор рядом спросил:

- Вы верите.

- Во что?

- В эту фразу.

Иволгин не отрывал глаз от экрана.

- Это не критерий качества фразы.

- А какой?

- Запоминается ли.

Передача закончилась. Телефоны начали звонить через восемь минут. Одни требовали немедленно закрыть «всех мутантов». Другие спрашивали, можно ли прислать письмо Святому.

Третьи хотели знать, почему государство снова использует название Красного Легиона. Одна женщина плакала и говорила, что Красный Богатырь был настоящим и новые - самозванцы. Мужчина из Тулы заявил, что Ноль - «правильный герой», потому что «может поставить остальных на место». Иволгин слушал сводку. Мещеряков спросил:

- И это успех?

- Конечно.

- Половина звонков отрицательные.

- Половина звонков есть.

- Люди спорят.

- Значит, название вернулось в оборот.

- Вы невозможный человек.

- Зато предсказуемый.

- Нет, - тихо сказала Фатум, сидевшая в углу.

Иволгин повернулся. «Что?» Эвелина закрыла глаза, сжимая виски. «Сегодня - нет». «Что происходит?»

Фатум посмотрела на телефон. Он ещё не зазвонил. «Сейчас будет сообщение из Владимира». Телефон зазвонил. Мещеряков снял трубку. Слушал. Лицо изменилось.

«Сколько?» Пауза. «Повторите». Он положил трубку. «На станции тридцать четыре человека одновременно вышли на пути. Смерть имела другую природу. Они просто решили, что платформа с другой стороны».

- Погибшие? - спросил Иволгин.

«Девять». Фатум прошептала: «В десяти вариантах было больше».

Мещеряков посмотрел на неё.

- Вы знали?

- За секунды. За секунды.

- И только.

- Тогда чем вы полезны?

Эвелина подняла глаза. «Тем, что в плохой день успеваю пригнуться». Второй телефон зазвонил.

Потом третий. Рязань. Калинин. Подмосковье. Разные случаи. Одинаковая деталь. Люди были уверены, что решения принадлежат им.

Иволгин посмотрел на экран, где застыла улыбка Святого. «Она уже здесь». Мещеряков покачал головой. «Ещё нет». «Физически». - возможно. Иволгин взял карандаш.

«Информационно человек считается пришедшим, когда про него начинают менять расписание».

- Что предлагаете?

- Завтра повторить материал.

Генерал уставился. «Вы сумасшедший». «Нет. Если люди начинают сомневаться в собственных решениях, им немедленно понадобится кто-то, кому они готовы доверить чужое».

- Святой.

- В том числе.

Мещеряков посмотрел через стекло в соседнюю комнату. Николай сидел среди сотрудников после съёмки. Одна девушка держала его за руку. Другой мужчина внимательно слушал, хотя Святой рассказывал совершенно обычную историю о детстве.

- Вы понимаете, что делаете? - спросил генерал.

Иволгин ответил с задержкой. «Лучше, чем хотелось бы».

Ночью Ноль проснулся от стука в дверь. Кто-то постучал. Три коротких удара. Он открыл. Святой стоял в коридоре. «Что?» Николай посмотрел внутрь.

- Можно.

- Нет.

- Тогда поговорим здесь.

- О чём?

Святой улыбался, но влияние бездействовало внутри поля. Без него улыбка выглядела просто отрепетированной. «Ты меня ненавидишь?» Ноль подумал.

- Нет.

- Почему?

- Недостаточно знаю.

- Но раздражаю.

- Да.

- Почему?

- Потому что всем нравишься без причины.

Николай перестал улыбаться.

- Это не моя вина.

- Не вина.

- Тогда?

- Факт.

- Ты думаешь, я просил эту способность?

Ноль посмотрел на него.

- Я не просил свою.

- И?

- Пользуюсь.

- Я тоже.

- Поэтому раздражаешь.

Святой рассмеялся коротко.

- Ты невозможный.

- Иволгин говорит это Мещерякову.

- Значит, заразно.

Он постоял.

- Знаешь, чего я боюсь.

- Нет.

«Что однажды не пойму, кто рядом потому, что хочет».

Ноль ответил сразу: «Никто». Николай ударил его. Кулак попал в скулу. Слабее, чем ожидал Олег. Ноль даже не пошатнулся. Святой смотрел на собственную руку.

- Вот за это и ненавижу.

- Уже ненавидишь?

- Да.

- Хорошо.

Николай удивился.

- Почему хорошо?

- Значит, это точно твоё.

Святой долго смотрел. Потом ушёл. Ноль закрыл дверь. На лице появилась первая за весь день настоящая улыбка.

В ту же ночь в подмосковной электричке семь пассажиров проснулись одновременно. Все повернули головы к окну. За стеклом была темнота.

- Скоро, - сказал один мужчина.

- Что? - спросила женщина напротив.

Он моргнул. «Не знаю». В другом вагоне девушка лет двадцати пяти вдруг вспомнила камеру «Асбеста», хотя всю жизнь оставалась в пределах Москвы. На секунду почувствовала снег на лице. И услышала вопрос:

«Кто выключает?» Ответ пришёл из памяти совершенно незнакомого ей человека. «Ноль». Девушка вышла на своей станции. Через час забыла весь эпизод. Шёпот - нет. Утром Иволгин получил ещё одну сводку.

В ней было девяносто семь фамилий людей, сообщивших о чужих воспоминаниях. Он прочитал первые десять, потом перестал. Причина была иной: статистика начинала работать раньше сочувствия.

- Добавить в сообщение для прессы? - спросил помощник.

- Нет.

- Почему?

- Пока это люди. Если дадим цифру, станут явлением.

- А потом?

Иволгин посмотрел на фотографию нового Легиона.

- Потом явление понадобится назвать.

- Как?

- Не знаю.

Помощник удивился. Правильное слово впервые за долгое время действительно ускользало от Иволгина. Это беспокоило его больше, чем девяносто семь чужих воспоминаний.

Утром после первой волны сообщений Мещеряков собрал новое поколение без Иволгина. Это было почти необычно. Большая тренировочная комната пахла резиной, металлом и дезинфекцией. На полу белой краской были размечены дистанции между прометеями. Каждая линия означала, насколько далеко один человек должен находиться от другого, чтобы способности не начали мешать раньше команды. Святой сел прямо на линию Ноля. Олег посмотрел.

- Отойди.

- Здесь моя метка.

- Теперь нет.

- Почему?

- Раздражаешь.

Николай улыбнулся. «Это уже говорили». Рой появилась сразу в четырёх экземплярах. Одна Дарина ела яблоко, вторая завязывала шнурок, третья читала инструкцию, четвёртая смотрела на потолок. Мещеряков остановился. «Почему четыре?»

Все Дарины посмотрели одновременно.

- Почему одна?

- На инструктаже достаточно одной копии.

- Для вас. Мне скучно.

- Свести.

Три копии исчезли обратно в четвёртой. Дарина вздрогнула от возвращения памяти и посмотрела на яблоко. «Какая из нас ела яблоко?» Мещеряков закрыл глаза.

«Господи».

- Технически атеистическая программа, - сказала Фатум.

«Молчать». Эвелина подняла руку. «Через три секунды вы скажете „переходим к дисциплине“». Мещеряков сжал губы.

«Промолчу». Фатум улыбнулась. «Уже лучше». Предел сидел у стены и катал между пальцами стальную гайку. Каждый раз, когда бросал её, металл падал всё медленнее: Борис забирал часть импульса. Зеркало стояла отдельно. Перед ней на столе лежал металлический кейс с ампулами.

Закрытый. Но все знали, что внутри.

- Там правда кровь Пламени? - спросил Святой.

Таисия промолчала. «Иван Волков», - продолжил Николай. - «Я видел старые фильмы». Зеркало посмотрела. На секунду уголок губ дёрнулся чужой улыбкой.

«Отвернись». Святой замолчал. Мещеряков начал инструктаж. «Вы не являетесь группой друзей. Доверять друг другу вы не обязаны. Общение вне операций не поощряется. Это сознательное решение программы».

Рой подняла руку.

- А если хочется.

- Не рекомендуется.

- Очень страшная формулировка.

- Почему. «Потому что запрет честнее. „Не рекомендуется“ означает, что потом накажут и скажут, что сама виновата»?

Мещеряков посмотрел на неё долго. «Ваша задача - функциональная совместимость».

- Людей так не бывает, - сказала Вавилон.

Она произнесла тихо. Все всё равно услышали. Мещеряков повернулся. «Что?» Алиса отвела взгляд. «Ничего».

- Нет. Повтори, - сказал Ноль.

Вавилон посмотрела на него. «Людей так не бывает. Если нас собирают вместе, мы всё равно начнём что-то друг о друге знать. Нравится вам или нет».

- Поэтому и существуют ограничения, - ответил Мещеряков.

Предел усмехнулся.

- Как в старом Легионе?

- Нет.

Старый Легион провалился. В комнате стало тише. Именно здесь впервые возникло то, чего авторы «Феникса» хотели избежать больше всего. Общее чувство.

Это было простое понимание. Просто понимание: человек у доски уже заранее считает их будущую человечность технической неисправностью. Фатум закрыла глаза. Увидела несколько ближайших вариантов. В одном Ноль однажды встанет между приказом и остальными. В другом Рой будет убивать собственные копии.

В третьем Предел умрёт, закрывая людей от того самого государства, которое сейчас рисует вокруг него безопасную дистанцию. Эвелина открыла глаза.

- Что? - спросил Мещеряков.

- Ничего.

- Вы видели событие.

- Да.

- Какое.

Фатум подумала. «Мы всё-таки познакомимся».

Мещеряков раздражённо отвернулся. Первый точный прогноз всей программы остался для всех незамеченным.

В нижнем секторе «Феникса» находились три женщины, которых Иволгин предпочитал держать за пределами даже пробной фотографии. Матка сидела в комнате с кафельными стенами и держала на руках существо размером с щенка. Оно было тёплым, слепым и дышало через тонкие щели на шее.

- Номер? - спросил Мещеряков.

Инга посмотрела.

- Нет номера.

- Савельева.

- Оно родилось десять минут назад.

- Тем более нужен учёт.

- Назову Кривой.

- Почему?

- Потому что левая лапа короче.

Мещеряков записал «М-17/К». Инга увидела.

- Я сказала Кривой.

- Это не документация. «Для него».

- да. Существо ткнулось мордой ей в ладонь.

В соседнем помещении Колокол стояла перед акустическим экраном. На шее шли тонкие шрамы от операции, сделавшей голос безопаснее. Техник снял ограничитель на три секунды.

- Только выдох, - сказал он.

Колокол открыла рот.

Стекло толщиной в десять сантиметров пошло белыми трещинами. У техника за экраном из носа потекла кровь. «Достаточно!» Ограничитель вернули. Колокол показала жестом на техника.

- Жив, - ответил врач.

- Не переживайте. Колокол лишь показала на техника, врач сам решил, что жест означал тревогу за него.

Третьей была Мор. Снежана стояла в гермокамере, пока врачи выпускали внутрь безопасную культуру бактерий. Через несколько секунд она изменила её поведение. Культура умерла.

- Прекрасно, - сказал учёный.

- Что?

- Контроль.

- Я убила бактерии.

- Именно.

Снежана посмотрела через стекло. «Если бы там был человек, вы бы тоже сказали „прекрасно“?» Учёный промолчал. Иволгин пришёл на просмотр позже. Увидел запись Матки. «Нет». Мещеряков спросил:

- Что нет?

- Публике. Никогда.

- Способность уникальная.

«Именно поэтому. Ребёнок должен захотеть фигурку героя, а ночные мысли о том, как эта фигурка рождает разведчика через собственное тело, должны остаться за пределами детской».

- Колокол.

- Возможно. Без медицинских деталей.

- Мор.

- В костюме.

Снежана услышала через динамик. «Спасибо». Иволгин повернулся. «За что?» «За костюм. Приятно знать, что моё лицо опаснее биологического оружия». Иволгин посмотрел на неё.

«Лицо вызывает вопросы. Костюм - ответы». Снежана усмехнулась. Именно так «Феникс» учился создавать героев: сначала человек получал способность, потом редактор решал, какую часть человека разрешено увидеть. Перед тем как разойтись после инструктажа, Рой всё-таки создала вторую копию и сунула ей яблоко.

- Зачем? - спросил Мещеряков.

«Эксперимент». Копия откусила. Потом они слились. Дарина поморщилась.

- Теперь вкус помню дважды.

- И вывод.

- Некоторые вещи не становятся лучше от масштабирования.

Мещеряков не записал.

Михаил Добрынец расписался на значке собственным именем. Мальчик смотрел недовольно.

- А «Красный Богатырь»?

- Не помещается.

- Вы же так подписывались.

- Подписывался.

- «А сейчас?» Михаил вернул значок. «Сейчас так». На металле чёрными чернилами было написано: «Михаил Добрынец».

Почерк получился кривой. Вокзал трясло от проходившего грузового состава. Мальчик лет семнадцати повертел значок.

- Всё равно спасибо.

- Не за что.

- За площадь тоже.

Михаил почувствовал силу.

Она пришла не ударом. Скорее тело вспомнило, каким когда-то было. Старый перелом в ребре перестал ныть. Плечи стали легче. Сетка с продуктами в руке почти исчезла по весу.

- Я там был вместе с другими.

- Знаю.

Мальчик улыбнулся и убежал к платформе.

Мария Мороз стояла в двух шагах, прислонившись к колонне. «Не за что», - передразнила она.

- Что?

- Очень скромный герой.

- Я не герой.

- Тогда зачем расписался?

- Он попросил.

- То есть теперь демократия?

- Пытаюсь.

Женщина у газетного киоска узнала его через секунду. «Добрынцев?» Михаил повернулся.

- Да.

- Из-за вас люди погибли.

Сила ушла. Так же быстро. Сетка потянула руку вниз. Ребро снова напомнило о себе. Михаил чуть выдохнул. Женщина продолжила:

«Сначала устроили бойню, потом героев из себя строите». Мария отлепилась от колонны. Михаил поднял ладонь.

- Хватит.

- Я ничего.

«У тебя температура возле ботинок упала на десять градусов». «Сквозняк». Женщина ушла.

Михаил смотрел ей вслед.

- Почему ты вообще продолжаешь ходить по вокзалам? - спросила Мария.

«Поезда обычно отправляются с вокзалов». «Можно было посадить документы на человека, который не меняет массу от чужой газетной статьи».

- Мою массу не меняет.

- Я образно.

- Тогда да.

Мария взяла его сетку.

Он не отдал.

- Сам.

- Господи, сколько у тебя теперь принципов.

- Раньше за меня всё носили.

- Потому что великий символ?

- Потому что руки нужны были для приветствия.

Мария рассмеялась. Они вышли из вокзала. Небольшой промышленный город пах углём, мокрым снегом и металлургией. Дома стояли серые. На главной улице висел плакат нового Легиона.

Святой улыбался прохожим. Ноль стоял рядом. Надпись: «ЗАЩИТА НЕ ПРЕКРАЩАЕТСЯ».

Мария посмотрела.

- Быстро.

- Иволгин.

- Откуда знаешь?

«У него все глаголы звучат так, будто уже утверждены постановлением». Они шли к дому женщины, чей сын погиб в одном из ранних объектов «Прометей». Павел передал адрес. Семье хотели отдать копию его карточки, медицинские журналы и фотографию, которую нашли в Нулевом архиве. Прошлое оставалось неизменным.

Просто вернуть имя человеку, которого десятилетиями называли серией Т-14. Дверь открыла пожилая женщина. Она посмотрела на Михаила. Смотрела как на незнакомца.

- Вам кого?

- Анну Петровну Лебедеву.

- Я.

- Мы насчёт Сергея.

Лицо едва изменилось.

Она отступила. «Заходите». В квартире пахло варёной картошкой. На стене висела фотография молодого мужчины в форме. Имя оказалось другим. Другой сын, как позже выяснилось, умер в восемьдесят первом от инфаркта. Михаил положил папку на стол.

«Это документы». Анна Петровна не открыла. «Жив?» Вопрос был нелепым. Её сын исчез в 1966 году. Но Михаил понял: пока нет официальной могилы, мать может спрашивать это в любом году. «Нет».

Она кивнула. Села.

- Когда?

- В шестьдесят восьмом.

- Двадцать лет назад.

- Почти.

- Как?

Михаил посмотрел на Марию. Та не отвела взгляд.

- Во время эксперимента.

- Какого.

- На нём испытывали препарат.

Женщина открыла папку.

Увидела фотографию. Пальцы задрожали. «Это он». Михаил молчал.

- Здесь худой.

- Да.

- Он всегда был худой.

Она провела пальцем по фотографии. «Кто-нибудь ответит?»

Михаил обошёлся без обещания «мы добьёмся». «Не знаю». Анна Петровна подняла глаза. «Вы хоть не врётё».

- Учится, - тихо сказала Мария.

Женщина вдруг нахмурилась. «Уже приходили». Михаил напрягся.

- Кто?

- Мужчина. Вежливый. Удостоверение показал.

- Какое.

- Не запомнила. Комиссия какая-то.

- Что спрашивал?

- Есть ли у меня бумаги.

Копии. Кто приносил. Мария посмотрела на Михаила.

- Забрал.

- Нет. Я сказала, ничего нет.

- Почему?

Анна Петровна пожала плечами.

- Не понравился.

- Что именно?

- Слишком вежливый.

Мария кивнула. «Разумно». Михаил посмотрел на папку.

Система была неспособна собрать сотни копий. Значит, начинала рисовать карту. Кто получил. Кто хранит. Кто общается. Хранилищем служили люди. Люди. Он спросил:

- Когда был?

- Три дня назад.

- Имя?

- Соколов. Или Сокольников. Может, соврал.

- Лицо.

- Обычное.

Мария усмехнулась. «Самые опасные».

Местный журналист поймал их у подъезда. Молодой парень с блокнотом. «Михаил Иванович!» Добрынец остановился. Мария тихо сказала:

- Бежим.

- Я не Нина.

- Я заморожу дорогу, будешь быстро.

Журналист догнал.

- Один вопрос.

- Обычно их потом восемь.

- Правда, что вы создаёте новую организацию прометеев.

- Нет.

- А почему ездите с?

.. Он посмотрел на Марию. «С вашей... спутницей?» Мороз подняла бровь.

- Спутницей.

- Соратницей.

- Уже лучше.

Журналист покраснел. «Вы пара?» Край рукава Михаила покрылся инеем. Он посмотрел.

- Мария.

- Я ничего.

- Ты приморозила меня к пальто.

- Случайность.

Журналист улыбнулся.

«Значит, всё-таки...» «Нет», - одновременно сказали оба. Михаил рассмеялся. Мария посмотрела так, что он перестал.

- Запишите, - сказала она журналисту.

- Я не «женщина Красного Богатыря». Соратница. Отдельный человек со своим именем. Я Мария Мороз. Если напишете иначе, найду вашу батарею зимой.

Парень быстро записал фамилию.

- Понял.

- Проверю.

Когда он ушёл, Михаил спросил:

- Батарея.

- У каждого должно быть слабое место.

- Очень государственный подход.

Мария остановилась. «Не шути так». Михаил тоже остановился. «Извини». Она кивнула. Пошла дальше. Свобода иногда состояла из того, что слово «извини» оставляло человеку право простить позже или вовсе отказаться.

Нина Соловьёва купила пять курток. Артём смотрел на кровать.

- Они одинаковые.

- Нет.

- Нина.

- У этой молния другая.

- У всех молния.

- У этой карман выше.

- На сантиметр.

- Значит, другая. «Зачем пять?» Нина пожала плечами.

- Выбор оказался невозможен.

- Свобода ещё не даёт повода тащить домой весь магазин.

- Откуда ты знаешь?

- У нас одна комната.

- Это временно.

- Куртки тоже.

Она посмотрела.

«Не наглей». Комната была маленькая. Две кровати. Один стол. Окно на железную дорогу. Они снимали её под вымышленными фамилиями. Первую неделю спали отдельно.

Вторую тоже. На третьей ночью отключили отопление, и Нина без слов перетасила одеяло на кровать Артёма. Утром оба сделали вид, что решение было исключительно температурным. С тех пор отопление починили. Одеяло не вернулось. Они не обсуждали. Люди, способные пробежать город быстрее автобуса, могли месяцами не успевать к одному разговору.

Артём поднял одну куртку.

- Красная.

- И?

- Серьёзно?

Нина посмотрела. «А».

Цвет действительно был почти как старая форма Ласточки. Она бросила куртку.

- Эту верну.

- Остальные четыре.

- Не дави.

В дверь постучали. Три раза, пауза, два. Условный сигнал. Артём открыл.

Девушка из бывшего «Салюта» стояла в коридоре с маленькой сумкой.

- Поезд через час.

- Документы.

- Есть.

- Имя помнишь?

- Новое?

- Да.

Она назвала. Нина слушала. Девушка нервничала.

- Если спросят место рождения?

- Записано внутри паспорта на вкладыше, - сказал Артём. - Не геройствуй памятью.

- А если узнают?

Нина натянула одну из четырёх курток.

- Тогда я объясню.

Артём посмотрел.

- Медленно.

- Конечно.

Девушка спросила:

- Что значит медленно?

- Для Нины - чтобы люди успели увидеть, кто их ударил.

- Смешно.

- Я стараюсь.

На станции было слишком много глаз. Нина почувствовала это глазами бегуна, а не телепата.

Обычная толпа хаотична. Один человек смотрит на табло. Другой на сумку. Третий опаздывает. Четвёртый думает о туалете. Люди движутся несогласованно, и поэтому на скорости превращаются в предсказуемые препятствия. Эти шли иначе.

Семь человек. На расстоянии. Разбросаны по платформе. Но одновременно повернули головы, когда объявили прибытие поезда. Одновременно остановились. Одновременно продолжили. Нина замедлилась.

- Артём.

- Что?

- Отвернись.

Он сразу посмотрел.

- Куда?

- Именно.

- Вижу.

Девушка между ними ничего не заметила. «Что?» Нина исчезла. Для обычного человека.

Она пробежала платформу, обошла семерых, заглянула в лица. Семеро взрослых и ребёнок. Мужчина с портфелем. Старуха. Две студентки. Рабочий. Женщина с ребёнком.

Парень в военной форме. Нина остановилась в двухстах метрах, за газетным киоском. Мужчина с портфелем повернул голову. Прямо к ней. Это было невозможно: движение осталось невидимым. Он пошёл.

Медленно. Спокойно. Через минуту подошёл к месту, где стояла Нина. Она замерла. Мужчина посмотрел. «Быстрая». Голос был его.

Интонация - нет. Нина почувствовала холод, не имеющий отношения к Марии. «Кто ты?» Мужчина улыбнулся. «Очень быстрая». На платформе четыре человека одновременно повернули головы. Посмотрели на Нину.

Она оказалась рядом с Артёмом до того, как девушка успела моргнуть.

- Уходим.

- Поезд.

- Другой.

- Почему?

- Сейчас.

Артём взял девушку за руку. Нина схватила обоих. Мир превратился в полосы. Долго нести двоих на максимуме было выше её сил - особенно обычного человека. Она не разгонялась до предела. Артём, держась за обоих, сглаживал рывок, путь пришлось разделить на короткие участки.

Через несколько секунд они были за пределами станции. Нина остановилась. Девушку вырвало. Артём согнулся.

- Предупреждать.

- Счёт шёл на секунды.

«Ты говоришь это человеку, который может украсть время у движения». «Они видели меня».

Артём поднял голову.

- Кто?

- Все.

- Невозможно.

- Знаю.

- Шёпот.

Нина посмотрела назад. На пустую дорогу. «Если она - я её ненавижу».

- Уже.

- Она первая заставила меня почувствовать себя медленной.

Григорий Никитин учился задавать один вопрос. Это оказалось сложнее, чем ломать стены. Лида собиралась на заседание комиссии. Григорий стоял в дверях. «Когда вернёшься?» Она посмотрела.

- Это вопрос номер один?

- Да.

- Тогда вечером.

- Во сколько?

- Это уже второй.

Григорий закрыл рот. Лида улыбнулась.

- Прогресс.

- Ненавижу правила.

«Ты десять лет любил правила, когда они защищали меня».

- Я выполнял.

- Любовь тут ни при чём.

- Да.

Она надела пальто. «Сегодня разбираем медицинские архивы Орлова».

Григорий напрягся. Второй вопрос оставил при себе. Лида заметила. «Если будет опасно - уйду».

- Я не спрашивал.

- Но лицо спросило.

- Лицо не подписывало договор.

- Тогда поговори с лицом.

Она ушла. Григорий стоял у двери.

- Вечером, - тихо сказал он.

Учился верить слову, которое не контролировал.

В комиссии исчезли сорок семь страниц. Лида заметила по нумерации. Том двенадцать. После листа 318 сразу 366. «Где?» Секретарь поднял глаза.

- Что?

- Страницы.

- Какие?

- Сорок семь.

- Возможно, техническая ошибка.

Лида усмехнулась. «В деле по государственным экспериментам техническая ошибка съела ровно раздел между „резервными сериями“ и „постпроектным использованием“?»

- Не знаю.

- Оригинал.

- На экспертизе.

- Где?

- Специальный отдел.

- Какой?

- Не указано.

- Как удобно.

Молодой следователь у соседнего стола поднял голову. Тот самый, который записывал Стрелецкую. После заседания догнал Лиду в коридоре.

- Лидия Сергеевна.

- Что?

Он посмотрел по сторонам. «Орлова вывезли». Она остановилась.

- Куда?

- Не знаю.

- Жив?

- Да.

- Откуда знаете?

- Подписывал передачу.

- На каком основании?

- Консультационные мероприятия.

Лида закрыла глаза.

- Конечно.

- Там было название.

- Какое.

Следователь помолчал.

«Феникс». Лида посмотрела.

- Ещё.

- Что?

- Вы что-то не договорили.

- В коридоре говорили...

Он понизил голос. «Второй Красный Легион». Лида рассмеялась. Смех вышел горьким.

- Они даже название менять поленились.

- Вы никому не говорите, что от меня.

- Уже поздно.

Он побледнел. «В смысле?» «Вы решили сказать. Это уже действие. Теперь живите с ним». Следователь смотрел.

«Стрелецкая так же говорит». Лида поморщилась. «Не оскорбляйте».

Зоя прожгла стол на слове «Пламя». Елена пришла не с камерой. Это было первым, что заметила дочь.

- Что?

- Информация.

- Какая?

- Про новую команду.

Зоя молчала. Елена ждала разрешения дочери. Наконец прозвучало: «Говори».

Раньше мать начала бы сама. Теперь ждала разрешения.

«Ноль. Предел. Атлас. Рой. Фатум. Вавилон. Несколько закрытых. И... Зеркало».

Зоя сидела у окна.

- Что делает?

- Копирует способности через биологический материал.

- Какой?

- Кровь. Ткани.

Зоя поняла быстрее, чем Елена хотела.

- Старые.

- Да.

- Нас.

- Не знаю.

- Ивана.

Елена замолчала. Белое пламя появилось между пальцами Зои.

Край стола почернел.

- Ты знаешь?

- Есть слух.

- Это уклонение.

- Образцы Волкова хранили.

Плазма прожгла дерево насквозь. Елена отступила на шаг. Она лишь давала дочери пространство. Зоя смотрела на отверстие.

- Я его убила.

- Знаю.

- Хватит так говорить.

Елена сразу кивнула.

- Хорошо.

- Он умер.

- Да.

- Они не имеют права делать из него.

Она не закончила. Елена ждала.

- Найди подтверждение.

- Найду.

- Не публикуй.

«Без тебя». - Нет. Зоя посмотрела. «Даже если это поможет разоблачить их?» Елена вдохнула. Раньше ответила бы: «Страна должна знать». «Даже тогда».

Плазма на пальцах погасла. Зоя кивнула. «Спасибо». Елена ушла. На лестнице остановилась. Одно слово дочери оказалось тяжелее любой похвалы, которую она получала за статьи. Потому что это слово нельзя было напечатать без разрешения.

Аркадий рассказывал Вере про Лаптева. По одному эпизоду. Так было тяжелее. Если рассказать одним большим признанием, преступления превращаются в абзац. По одному - каждое приходится проживать отдельно. «Я заставил его руку поднять пистолет».

Вера сидела напротив.

- Он кого-то убил?

- Нет.

- Потому что ты остановил?

- Потому что Стрелецкая сказала остановить.

- А сам?

Аркадий молчал.

- Сам не остановил бы.

- Не знаю.

Вера встала.

- Если знаешь, отвечай прямо.

- Уход от ответа здесь лишний.

- Тогда... возможно, нет.

- Хорошо.

- Что хорошего?

- Ничего. Но это ответ.

Она ушла в комнату. Аркадий остался на кухне. Тишина была заслуженной и невыносимой. Потом пришёл чужой свет.

Голос отсутствовал. Яркая лампа над глазами. Раздражение. Запах железной дороги. Чужая боль в ногах. Аркадий схватился за стол. «Нет». В голове прозвучало:

«Почему нет?» Он закрылся. Техника старая: представить двери, сузить внимание, оставить только собственное дыхание. Оказалось бесполезно. Кто-то был уже не снаружи. Кто-то касался самого принципа, которым Аркадий отделял себя. Вера вернулась.

- Ты опять не здесь.

- Здесь.

Он вдохнул. «Но кто-то ещё тоже».

Лариса сняла с Аркадия всё, что ещё можно было снять. Старые контакты. Два тонких проводника под кожей. Металлический элемент за ухом.

- Всё, - сказала она.

- Уверена?

- Если найду ещё, выставлю счёт государству за хранение.

Павел сидел рядом.

- Когда контакт?

- Сейчас нет.

- Как почувствуешь, говори.

- Зачем?

- Послушаю.

Аркадий усмехнулся. «Мысль?»

«Мозг. Мясо с электричеством. Электричество двигает ткань. Ткань вибрирует. Я не услышу содержание, но ритм - возможно».

- Очень приятно быть музыкальным инструментом.

- Ты хуже настроен.

Контакт пришёл через восемь минут.

Аркадий замер. Павел поднял голову.

- Есть.

- Что?

- Ритм изменился.

Лариса посмотрела на прибор.

- Интерфейс отключён.

- Знаю.

Аркадий прошептал: «Она близко».

- Кто?

Он закрыл глаза. На секунду увидел руки машиниста. Потом лицо женщины в электричке. Потом десятки чужих глаз. «Сомневаюсь, насколько слово „человек“ подходит». Павел перестал шутить.

«Шёпот?» Аркадий кивнул.

Громила выбрал дорогу. Анна положила на землю две вещи. Слева - кусок ткани из лесного домика. Справа - старый кожаный чехол от инструмента Кузнеца, который Виктор нашёл среди оборудования после площади. Медведь подошёл. Понюхал ткань. Потом чехол.

Анна не говорила. Виктор тоже. Громила стоял долго. Потом пошёл к дороге. Анна выдохнула. «Значит, едем». Виктор посмотрел.

- Мы могли просто решить.

- Могли.

- Было бы быстрее.

- Да.

- Ненавижу новый порядок.

Анна улыбнулась.

- Нет порядка.

- Ещё хуже.

Они нашли Кузнеца в городской больнице. Точнее, не нашли. Кровать пустая. Врач сказал:

- Его забрали.

- Кто?

- Государственная комиссия.

- Какая?

- Не знаю.

- Он мог идти?

- С трудом.

- Сам согласился?

Врач посмотрел на Анну. «Спросите что-нибудь полегче». Громила стоял в коридоре. Услышав слово «Кузнец», поднял голову. Из горла вышел низкий звук. Анна положила ладонь рядом с его мордой, не касаясь.

«Найдём». Медведь посмотрел. Она поправилась: «Попробуем». Громила отвернулся. Виктор кивнул. «Лучше».

Бывший Санитар утопил себя в ванной. Его жена встретила Ларису и Павла в халате.

- Он никогда не пил в ванной, - сказала она.

- Мы не спрашивали про алкоголь, - ответила Лариса.

«Я знаю. Просто... слов нет». Тело уже увезли. На полу осталась вода. Павел присел возле ванны.

- Следы борьбы.

- С кем?

- С собой.

Женщина посмотрела как на сумасшедшего.

Лариса объяснила: «Долго держать голову под водой человеку мешает рефлекс. Тело само вытаскивает».

- Он держал руками за края.

- Себя?

- Да.

- Как?

- Без понятия.

Она заплакала. Павел услышал дрожь в голосе. «Что говорил до этого?» Женщина вытерла лицо.

- Имена.

- Какие?

«Не знаю. Много. Мужские. Женские. Один ребёнок». Лариса записала.

- Ещё.

- Теперь я знаю.

Павел поднял голову.

- Что?

- Он сказал: «Теперь я знаю, как им было».

Лариса и Павел переглянулись. У двери Павел сказал:

- Это не месть родственников.

- Почему?

- Слишком точная жестокость.

- Люди умеют.

- Умеют.

Но он утопил себя против рефлекса. Лариса посмотрела на дом.

- Коллектив мог.

- Аркадий был с нами.

- Значит, другой.

Оба подумали одно имя. Оба промолчали.

Камнепад приехал к матери Жары без формы. Официальная форма ему так и осталась чужой. Женщина открыла дверь и сразу спросила:

- Он кого-нибудь спас?

Матвей стоял с шапкой в руках.

- Не знаю.

- Вы были рядом.

- Был.

- Он хороший был?

Камнепад посмотрел на пол. «Нет». Женщина вздрогнула.

- Зачем тогда пришли?

- Потому что он ваш сын.

- Что сделал?

- Участвовал в нападении. Убивал. Потом оказался под плитой.

- Мучился?

Матвей мог солгать.

- Да.

Она закрыла глаза.

- Спасибо.

- За что?

- Пришли.

Матвей растерялся.

- Я сказал плохое.

- Все остальные промолчали.

Он кивнул. Оставил номер могилы. Вышел. На улице долго стоял. Гробовщик в это время показывал комиссии очередное захоронение.

- Здесь пятнадцать, - сказал Сергей.

Следователь посмотрел.

- В показаниях двенадцать.
- Тогда копайте глубже.
- Вам предлагают смягчение.
- За что?
- За сотрудничество.
- Пишите имена публично.
- Это невозможно.
- Тогда сотрудничество закрыто.
- Вы осуждённый.
- Именно.

Время есть. Удав в тюрьме сломал сокамернику челюсть за то, что тот храпел.

Кислота в Москве растворил лицо мужчине, попытавшемуся отобрать у него бутылку спирта. После этого слухи о «подземном кислотном человеке» стали городской страшилкой. Разряд где-то на Урале запитал аварийную больницу во время отключения. Никто не доказал, что это был он. Мареву не нашли. Мутанта тоже. Страна была слишком большой, чтобы каждому чудовищу сразу достался финал.

Денис Круглов пришёл ночью. Постучал в условное место стены склада. Михаил открыл.

- Ты жив.
- Пока.
- Заходи.
- После разговора уйду.
- Уже начинаешь раздражать как свободный человек.

Денис положил на стол папку. Мария подняла глаза.

- Что украл?
- Своё.

- Очень государственный ответ.

- У меня копия Нулевого архива.

Павел подошёл ближе. Денис открыл страницу. «РЕЗЕРВ Т-0».

Михаил прочитал.

- Что это?

- Исходная масса.

Аркадий нахмурился.

- Тунгусская.

- Да.

- Её не уничтожили.

Денис посмотрел как на ребёнка. «Государство? Полезное?»

Мария усмехнулась. «Справедливо». «Большинство препаратов делали из производных культур. Но оригинальный материал хранили. Перевозили. Последняя запись - восемьдесят четвёртый».

«Где?» Денис перевернул. На полях стоял индекс. ФНКС.

Михаил выдохнул.

- Феникс.

- Возможно.

- Уверен?

- Нет.

Мария подняла бровь.

- И не полез взрывать сам.

- Нет.

- Растёшь.

- Старею.

Денис закрыл папку. «Я не вступаю никуда».

- Некуда, - сказал Михаил.

- Хорошо.

- Остайся на ночь.

- Зачем?

- На улице холодно.

Денис посмотрел.

- Это ловушка?

- Быт.

- Хуже.

К вечеру склад напоминал штаб. Михаил поморщился. Нина сидела на ящике и ела шоколад. Артём рядом. Лида принесла список исчезнувших страниц. Григорий стоял у стены, сознательно не рядом с сестрой. Зоя пришла одна.

Елена осталась вне встречи. Анна, Виктор, Павел, Лариса, Аркадий. Денис у двери. Мария у окна. Михаил посмотрел. «Сразу: никто здесь никому не подчиняется». Нина вздохнула.

- Уже говорил.

- Поэтому повторяю.

- Очень по-командирски, - сказала Мария.

- Я ненавижу вас всех.

- Вот теперь равноправие, - сказала Нина.

Они начали складывать факты. Нина - станция. Аркадий - контакт. Павел - Санитар.

Лида - «Феникс». Зоя - кровь Ивана. Анна - Кузнец. Денис - Т-0. Приказы отсутствовали. Информация сама собиралась в картину. И это пугало больше всего.

- Она идёт к Москве, - сказал Аркадий.

- Уже здесь, - ответила Нина.

- Физическое тело.

- Вне поля зрения.

- Тогда в другом месте.

Нина посмотрела. «Если человек говорит со мной её голосом, мне плевать, где лежит оригинал».

Павел кивнул. «Согласен». Дверь открылась. Все повернулись. Валентина вошла. Без плаща. Без венка.

В обычном пальто. Мария стала холоднее. На металлической трубе рядом появился иней. Валентина заметила. «Можно?» Михаил ответил:

- Уже вошла.

- Значит, можно.

Она положила на стол карту. «Асбест». Аркадий подошёл.

- Откуда?

- Старые материалы Легиона.

- Ты была там.

- Дважды.

- Видела Шёпот.

- Нет.

- Знала, что держат.

Валентина посмотрела на него. «Опасных носителей». Мария сказала:

- И оставила без уточнения, каких именно.

- Оставила.

- Удобно.

- Да.

Мария явно не ожидала отсутствия защиты. Это злило сильнее. Валентина продолжила:

- После аварии туда отправили группу. Связь пропала.

- Когда?

- В конце ноября.

- Поисковая группа пропала уже после разрушения самого объекта.

- Почему только сейчас?

- Я узнала сегодня.

Аркадий смотрел на карту.

- Она ищет нас.

- Почему?

- Потому что знает про Коллектива.

Через кого-то.

- Отлично. У нас поклонница, - сказала Нина.

Аркадий не улыбнулся.

- Нет. Она считает меня похожим.

- Это хуже.

- Намного.

Телевизор включили из-за Святого - вынужденно. Павел услышал знакомую музыку заставки. «Новый Легион». Все повернулись. На экране появился Иволгин. Только на секунду, в кадре за ведущим.

Елена увидела бы почерк без лица. Святой стоял перед красным знаменем. «Граждане Советского Союза...» Даже в комнате стало тише. Николай говорил спокойно. Его способность через телевизор была слабой, почти на уровне хорошей харизмы. Но этого хватало, чтобы несколько секунд человек не думал о том, почему слушает внимательнее.

Ноль. Предел. Атлас. Фатум. Рой. Разрыв. Вавилон.

Лазарь. Зеркало. Святой. Зоя увидела Таисию Северину. Ничего особенного. Молодая женщина. Она смотрела на её вены на руках.

Думала о том, что в холодильнике лежит кровь Ивана. Нина посмотрела на Фатума. «Эта кто?» Павел ответил:

- Прогнозирует вероятности.

- Ненавижу заранее.

Григорий увидел Атласа.

- Масса.

- Да.

- Насколько?

- Очень.

- Конкретно.

- Я не справочник.

Аркадий смотрел на Вавилона.

- Командный голос.

- Что?

- Если услышишь приказ, тело выполняет.

Нина медленно отложила шоколад. «Кто вообще решил, что это хорошая идея?» Все посмотрели на Иволгина на экране. «А», - сказала она. Святой произнёс финальную фразу:

«Мы не заменяем тех, кто был до нас. Мы принимаем ответственность за то, что осталось после них». Михаил выключил телевизор. Мария спросила:

- Красиво.

- Очень.

- Значит, плохо.

- Значит, Иволгин.

Валентина всё ещё смотрела на чёрный экран. В нём отражалось её лицо. «Они называли их Красным Легионом».

- Да, - сказал Михаил.

- Зачем?

- Чтобы забрать название обратно.

Она кивнула. Поняла. «Получится?» Михаил подумал. «У некоторых».

На следующий день Катя ударила одноклассника учебником. Мальчика звали Игорь. Он сказал, что Родина-Мать «струсила выполнять приказ». Катя сначала промолчала. Потом он добавил:

- Ноль бы её выключил, и всё.

Учебник по алгебре оказался тяжёлым. Губу разбило сразу. Директор вызвал Валентину. В кабинете стоял запах мела и лекарств. Игорь сидел с ватой у губы. Катя - напротив.

Директор говорил осторожно. «Возможно, поведение связано с семейной обстановкой». Валентина почувствовала старую реакцию. Выпрямиться. Сказать фамилию. Напомнить, кто перед ним. Человек, которому достаточно одного звонка, чтобы директора перевели в другой район.

Она остановилась. «Возможно». Директор удивился.

- Мы бы рекомендовали.

- Я поговорю.

На улице Катя шла быстро.

- Зачем ударила?

- Он говорил о тебе.

- Это не причина бить людей.

Катя остановилась.

«Ты била». Валентина тоже остановилась.

- Да.

- Тогда почему мне нельзя?

Ответа из старой жизни было много. «Потому что я защищала страну». «Потому что это были враги». «Потому что у меня был приказ».

Все звучали хуже предыдущего. «Потому что я отказываюсь, чтобы моё худшее стало твоим правилом». Катя посмотрела.

- Красиво сказала.

- Ненавижу, когда так говорят.

- А что делать?

- Извиниться перед Игорем.

- Отказываюсь.

- Тогда хотя бы признай, что сделала это намеренно.

Катя фыркнула.

- Не случайно.

- Уже начало.

Они пошли дальше. Валентина впервые поняла: спасти дочь из «Гарантии» было проще, чем не передать ей Родину-Мать по наследству.

Иволгин получил сводку реакции страны.

- Тридцать восемь процентов положительно, - сказал помощник.

- Двадцать семь отрицательно. Остальные неопределённо.

- Хорошо.

- Почему?

- Спорят.

- Раньше мы хотели, чтобы верили.

- Раньше у нас была роскошь единственной версии.

Помощник перелистнул.

«Есть листовки: „Второй Легион - вторая ложь“».

- Очень хорошо.

- Вы издеваетесь.

- Нет.

Они повторяют название - даже противники, особенно противники. Телефон зазвонил. Иволгин слушал. Положил трубку.

- Что? - спросил помощник.

- Москва.

- Что Москва?

- Люди говорят одну фразу.

- Какую?

Иволгин посмотрел в окно.

- Я вас слышу.

- Отложим повтор эфира?

- Нет.

- Но если это связано...

- Повторить. Добавить предупреждение о психологических диверсиях неизвестного происхождения.

- Мы официально признаем?

- Мы официально предупреждаем о том, что не признаём.

Помощник записал.

«Зачем?» «Потому что сейчас миллионы людей впервые подумают: „Кто может залезть ко мне в голову?“»

- Это паника.

- Это внимание.

Иволгин посмотрел на фотографию Святого. «А внимание - дверь». Иволгин оставался в неведении: Шёпот уже слышала, как эта дверь открывается.

В обычной московской квартире семья смотрела повтор презентации.

- Святой хороший, - сказала мать.

Отец фыркнул. «Опять цирк». Дочь, двадцать четыре года, сидела на подоконнике.

- Вы его пять минут видели.

- Видно человека.

- Вот именно, мам.

- Что?

- Ничего.

На экране Святой улыбался. Все трое одновременно замолчали.

Причины тут ни при чём. Мысль просто оборвалась. Мать повернула голову к телевизору. Отец тоже. Дочь последней. Три рта открылись. «Я вас слышу».

В соседнем доме мужчина у раковины произнёс то же. В автобусе - двое пассажиров. В общежитии - семь студентов. На складе Аркадий схватился за виски. Все повернулись к нему. Он услышал Шёпот уже не словом. Фразой.

«Вы так долго кричали. Почему теперь молчите?» Аркадий встал. «Она уже в Москве».

- Где? - спросила Нина.

- В людях.

- Слишком расплывчато.

- Другого нет.

Позже Аркадий остался один. Он закрыл дверь склада. Сел. Всю жизнь его учили входить в чужие головы. Последние месяцы - не входить. Теперь он сделал противоположное страху. Открылся.

Вместо интерфейса - себя. Сначала пришли колёса поезда. Металлический ритм. Потом голод женщины, которая не ела сутки. Чужая боль в колене. Запах лекарств.

Снег. Голоса. Десятки. Сотни.

- Кто ты? - мысленно спросил Аркадий.

Ответом стала тишина. «Чего хочешь?» Все ощущения прекратились. Абсолютная пустота. Потом тихо:

«Чтобы перестало болеть». Аркадий почувствовал жалость. Настоящую. Опасную. «У кого?» Пауза. «У всех».

В этот момент где-то в городе незнакомый мужчина взял кухонный нож. Положил ладонь на стол. Другой рукой сделал надрез. Против воли. Тело выполняло. Шёпот через него изучала боль. Пыталась понять, почему сигнал остаётся в одном теле, если разум можно открыть другим.

Мужчина закричал. Аркадий почувствовал. Резко закрылся. Связь оборвалась. Он сидел в темноте. Понял главное. Цель Шёпот была иной.

Она хотела человечество исправить. Это было гораздо хуже. Утром Григорий работал на доме, который официально числился «повреждённым в результате локальных беспорядков». Дом был на две трети разрушен. Локальность в документах хорошо сочеталась с отсутствием двух подъездов.

- Никитин! - крикнул прораб. - Здесь балка!

Григорий подошёл. Без формы его узнавали с задержкой. Простая ватная куртка, рабочие перчатки, никакого знака Легиона. Только рост выдавал.

Под плитой зажало старую металлическую балку. Крану перекрыли подход.

- Поднять.

- На двадцать сантиметров.

Только не больше, там труба. Григорий взялся. Кожа посерела. Стала каменной.

Поднял. Рабочие быстро подставили опоры.

- Держи.

- Держу.

Один молодой парень смотрел слишком долго. «Вы Гранит?» Григорий поморщился.

- Никитин.

- Но вы же.

- Балка падает.

Парень очнулся и подставил брус. После смены прораб дал Григорию конверт.

- Что это?

- Деньги.

- За что?

- Работал.

Григорий смотрел.

- Я не оформлен.

- Поэтому наличными.

- Я раньше не получал так.

Прораб усмехнулся.

- Как?

- За работу.

- А за что получал?

Григорий подумал.

- За службу.

- Разница.

Он посмотрел на грязные перчатки. «Похоже, есть». Вечером он купил Лиде хлеб, сыр и новую настольную лампу. По собственной инициативе. Потом полчаса сидел на кухне и думал, не является ли лампа очередной попыткой решить за неё, что ей нужно.

Когда Лида вернулась, увидела коробку.

- Это что?

- Лампа.

- Вижу.

- Можешь выбросить.

- Почему?

- Вдруг я опять...

Лида посмотрела на брата.

- Гриша.

- Что?

- Подарки пока не запрещены.

- Точно.

- Один вопрос уже использовал утром.

Он улыбнулся. Лида открыла коробку.

- Хорошая.

- Сам выбрал.

- Вот теперь страшно.

Нина вернула красную куртку. Продавщица долго оформляла возврат. Нина смотрела на часы.

- Можно быстрее?

- Девушка, документы заполняются.

- Я могу сама.

- Нельзя.

- Почему?

- Порядок.

Нина застонала. Артём стоял рядом и наслаждался.

- Это полезно.

- Что?

- Ты впервые проигрываешь бумаге.

- Я могу уйти, пока она моргнёт.

- Деньги не вернут.

- Ненавижу цивилизацию.

Продавщица подняла глаза. «Фамилия?» Нина назвала поддельную. «Причина возврата?» Она посмотрела на куртку. «Плохие воспоминания». Женщина остановила ручку. «Что писать?»

Артём ответил: «Не подошёл цвет».

- Вот.

- Нормальный человек.

Нина посмотрела на него. «Привыкать рано». На улице они шли медленно. По меркам Нины - почти стояли. Артём держал пакет с четырьмя оставшимися куртками.

- Знаешь, что странно.

- Всё.

- Мы четыре месяца вместе.

Нина повернула голову.

- И?

- Ничего.

- Тогда зачем начал?

- Хотел проверить, убежишь ли.

- От чего?

- От разговора.

Она исчезла. Артём остановился. Через секунду Нина вернулась с мороженым.

- Не убежала.

- Очень смешно.

Она протянула второе.

- Держи.

- Это взятка.

- Да.

- За что?

Нина посмотрела на него. «Чтобы вопрос «что мы» остался при тебе». Артём взял мороженое.

- Хорошо.

- Всё.

- Ты хотела спор.

- Нет.

- Тогда всё.

Они шли дальше.

Нина вдруг поняла, что раздражена отсутствием спора. Это тоже оказалось свободой: твоя готовность к драме никак не заставляет другого человека её разыгрывать.

Валентина приехала на старый объект под Калугой одна. Объект назывался «Лесной-6». Она помнила ворота. В семьдесят восьмом здесь стояло два поста и прожекторы. Сейчас один пост пустовал. На втором сидел пожилой прапорщик и читал газету. Он узнал её сразу.

Встал. «Родина-Мать». Валентина остановилась. «Руднева». Прапорщик растерялся.

- Конечно. Товарищ.

- Просто Руднева.

- У вас разрешение.

- Нет.

- Тогда нельзя.

Старая Валентина просто прошла бы. Дверь была пустяком. Человек - тем более. Она достала копию комиссии, где объект числился «временно законсервированным». «Здесь могут оставаться люди». Прапорщик посмотрел.

- Не знаю.

- Кто знает?

- Начальник смены.

- Позовите.

- Телефон мёртв.

- Почему?

- Провод сняли.

- Кто?

«Местные». Валентина почти рассмеялась. Сверхсекретный объект проиграл дачникам, которым понадобилась медь. «Я подожду». Прапорщик посмотрел ещё удивлённее.

- Вы.

- Да.

- Здесь.

- Здесь.

Через час приехал начальник смены.

Ещё через два открыли внутренний блок. Там осталось шесть человек. Официально они числились пациентами. «Пациентов длительного наблюдения». Один мужчина двенадцать лет жил без солнца. Его способность заставляла металл рядом медленно ржаветь. Государству она оказалась бесполезна, но отпускать его не стали: слишком много знал.

Он вышел в коридор. Увидел Валентину. «Родина-Мать». Она опустила глаза.

- Валентина.

- Вы меня сюда вернули.

Она помнила операцию. 1982 год. Мужчина пытался сбежать. Валентина перехватила машину, подняла её и поставила поперёк дороги. Санитары вытащили беглеца. «Да». Мужчина подошёл.

Ударил её. Кулак разбился о лицо. Он закричал, схватившись за кисть. Валентина не двигалась.

- Извини, - сказал он автоматически от боли.

Потом рассмеялся.

- Сука. Я ещё и извинился.

- Зря.

- Что зря?

- Извиняться.

Он смотрел.

- Ты пришла что, прощение просить.

- Нет.

- Тогда зачем?

- Открыть дверь.

- И всё.

- И всё.

- Поздно.

- Да.

Мужчина впервые перестал злиться на секунду. Обида осталась. Просто понял, что перед ним человек, который не собирается требовать правильной реакции на собственное раскаяние.

«Куда теперь?» Валентина посмотрела на открытую дверь. «Куда хочешь». Он усмехнулся.

- Ненавижу этот ответ.

- Я тоже учусь.

Елена нашла подтверждение крови Ивана через гримёршу - обычную женщину вместо генерала или секретного архива. Ту самую женщину, которая работала на съёмке нового Легиона и услышала, как Зеркало после медицинской процедуры назвала кого-то «Зоечкой». Гримёрша также переписала строку из медицинского листа, оставленного в павильоне после процедуры. Она не знала, что означает индекс образца, для неё это было только странное обращение и запись о реакции. Для Елены это было важно. Иван называл Зою так только когда хотел вывести из себя.

Она записала информацию на лист. Статья осталась ненаписанной, редактор - без звонка. Поехала к дочери. Зоя открыла дверь.

- Есть.

- Да.

Елена протянула лист.

Зоя прочитала. «После введения образца В-ИБ-07 актив демонстрировал огневую реакцию и использовал обращения, характерные для исходного носителя». Рука задрожала.

- Она помнит?

- Похоже, фрагменты.

- Это не Иван.

- Нет.

- Скажи.

Елена поняла. «Это не Иван». Зоя закрыла глаза.

- Ещё раз.

- Это не Иван.

Иван Волков был человеком, которого Зоя убила. Зеркало была живым человеком. Государство собиралось заставить её носить кусок Ивана. Разница была важной. Масштаб этой разницы пока оставался для неё туманным.

- Можно я оставлю копию? - спросила Елена.

Зоя открыла глаза.

- Зачем?

- На случай, если у тебя заберут.

- Это останется вне статьи?

- Да. Вне статьи.

Пауза. «Оставь». Елена положила копию в сумку. Это была первая информация о дочери за много лет, которую она сознательно унесла с собой, минуя редакцию.

Кислота убил третьего человека в подземной Москве. Третий был сантехником. Он увидел Андрея возле теплотрассы и решил, что это бомж. «Уходи отсюда». Кислота пил спирт из банки.

- Почему?

- Объект режимный.

- Я тоже.

Сантехник растерялся.

Подошёл. Андрей улыбнулся. Через минуту от руки сантехника до локтя осталась смесь ткани, крови и обнажённой кости. Он кричал так громко, что эхо ушло по тоннелю. Кислота смотрел с любопытством.

- Оставь людей, - сказал голос из темноты.

Андрей повернулся. Человек стоял далеко. Лица не видно.

- Кто?

- Никто.

- Тогда иди.

- Сначала отпусти.

Кислота положил ладонь на грудь сантехника. Человек дёрнулся.

«Уберёшь руку - дам спирт». Андрей замер.

- Сколько?

- Две бутылки.

- Покажи.

Человек показал. Кислота отпустил. Сантехник упал.

Незнакомец подошёл ближе. Лицо всё ещё скрыто.

- Ты Марево? - спросил Андрей.

Человек улыбнулся. Лицо изменилось. На секунду стало лицом Родионова.

Потом другим. «Не Марево». Кислота нахмурился.

- Мутант.

- Зови иначе.

- А как?

Человек подумал. «Пока никак». Он бросил бутылку.

- Зачем пришёл?

- Посмотреть.

- Что?

- Что свобода сделала с тобой.

Кислота засмеялся. «Нормально сделала». Мутант посмотрел на умирающего сантехника. «Вижу». Ушёл. Эта встреча осталась тайной. Но именно тогда существо, которое раньше называло себя «оно», впервые подумало, что свобода тоже требует имени.

Аркадий попытался ответить Шёпоту ещё раз через три дня. На этот раз Павел и Лариса были рядом.

- Если начнёшь двигаться странно, - сказала Лариса, - я тебя вырублю.

- Чем?

- Найду.

- Успокаивает.

Аркадий открылся. Связь пришла мгновенно. «Ты».

«Я». «Ты как я».

- Нет, - мысленно ответил Аркадий.

Тишина. Потом смех. Сразу несколько голосов. Мужской. Женский.

Детский. Мёртвые люди внутри неё смеялись вместе. «Почему?» «Потому что я учился не входить». «Зачем?» Аркадий увидел Лаптева. Свою руку в чужой руке.

Человека, который кричал внутри тела. «Потому что это не моё». Шёпот растерялась. «Ты слышишь». «Да». «Значит, твоё». «Нет».

«Почему?» Аркадий почувствовал раздражение. Чужое. Собственное. «Потому что человек - не комната, в которую можно войти только потому, что дверь не заперта». Шёпот показала ему камеры «Асбеста». Запертые двери.

Людей внутри. «Двери - плохо». «Не эти». «Все». Аркадий понял, что спорит с человеком, который десятилетиями видел физическую границу только как инструмент тюрьмы. Для неё слово «закрыто» означало насилие. «Если открыть всех, они причинят боль».

«Уже причиняют». «Да». «Тогда зачем закрываться?» Он остался без ответа, который можно передать одним чувством. Шёпот почувствовала колебание. «Я помогу». Аркадий резко закрыл связь.

Лариса схватила его за плечи.

- Что?

- Она предлагает помощь.

- В чём?

- Перестать быть отдельными.

Павел тихо выругался. Аркадий посмотрел на свои руки.

- И самое страшное - она не врёт.

В тот же вечер Михаил получил ещё три сообщения о людях, задававших вопросы про архивные копии. Ленинград. Минск. Свердловск. Система строила карту. Он разложил записки. Мария спросила:

- Спрячем людей.

- Нет.

- Почему?

«Если начнём собирать всех в одном месте, сами восстановим им центральный архив».

- Тогда.

- Предупредим.

- И всё.

- И всё.

- Ненавижу планы, где нельзя никого ударить.

- Ты можешь ударить меня.

- Не искушай.

Михаил посмотрел на карту. Свобода расплзлась по стране копиями. Теперь государство училось преследовать не документ. Связи между людьми.

А Шёпот училась делать то же самое без бумаги. Он вдруг понял, что обе системы смотрят на человека одинаково. Как на узел. Разница была только в том, кто держал сеть. На следующий день Иволгин получил доклад о том, что «Красный Легион» снова стал самым употребляемым сочетанием слов в письмах на телевидение. Помощник положил пачку на стол. «Это только Москва».

Иволгин перелистнул. «Святой красивый, но пусть не улыбается моей жене». «Ноль - настоящий мужик, давно надо было выключить этих самозванцев». «Верните Красного Богатыря». «Почему Предела не было на площади?» «Второй Легион - позор». «Скажите Рою, что мой сын хочет узнать, можно ли одной копии ходить в школу, а второй делать уроки».

Иволгин задержался на последнем.

- Хороший вопрос.

- Серьёзно?

- Лучший из пачки.

- Почему?

«Потому что человек уже думает не „существуют ли они“, а „что с ними делать в быту“. Это и есть нормализация». Помощник поставил вторую папку.

- А это сообщения о Шёпоте.

- Официально такого имени нет.

- Люди уже используют.

Иволгин поднял глаза.

- Откуда?

- Подпольные листовки. Иностранное радио. Кто-то слил старое название.

- Значит, имя потеряно.

- В смысле?

- Мы не назвали первыми.

Он открыл папку. Женщина в метро на три минуты забыла имя дочери и называла её именем чужого ребёнка. Мужчина на заводе заставил себя сунуть руку в станок, потом утверждал, что хотел доказать коллегам безопасность оборудования. Трое школьников одновременно написали в сочинении одну и ту же фразу: «Когда все знают, никто не врёт».

Иволгин остановился.

- Это новое.

- Что?

- Формулировка.

- Похоже на лозунг.

- Именно.

Помощник посмотрел.

- Она пишет лозунги.

- Нет.

Иволгин закрыл папку. «Она начинает понимать, что человеку удобнее вложить идею словами, даже если можно вложить мыслью».

- Это хуже.

- Намного.

- Почему?

«Потому что мысль человек может назвать приступом. Слово он потом повторит другому». Телефон зазвонил. Редакция сообщала: в очереди у магазина двадцать человек одновременно начали спорить о том, должна ли государственная тайна существовать вообще. Через две минуты никто не помнил, с чего начался разговор. Иволгин слушал. Потом сказал:

- Не запрещать обсуждение.

Помощник удивился. «Почему?» «Потому что если запретим, Шёпот станет запрещённой правдой. Это лучший рекламный бюджет, который можно получить бесплатно». «Тогда что писать?» Иволгин взял карандаш. Долго не писал.

Потом вывел: «СОХРАНЯЙТЕ СПОКОЙСТВИЕ. НЕ ВСЯКАЯ ЧУЖАЯ МЫСЛЬ - ПРИКАЗ».

Прочитал. Зачеркнул.

- Плохо.

- Почему?

«Потому что теперь человек будет весь день проверять, чья у него мысль». «А что лучше?» Иволгин посмотрел в окно. Впервые профессия не давала мгновенного ответа.

«Не знаю». Помощник замолчал. Это «не знаю» напугало его больше, чем любая сводка.

Ночью Нина проснулась раньше Артёма. Это было нормально. Она вообще почти всё делала раньше. Ненормальным было то, что кто-то уже сидел у окна. Женщина. Нина оказалась рядом мгновенно. Рука на горле незнакомки.

«Кто?» Женщина не сопротивлялась.

- Не знаю.

- Как вошла?

- Дверь.

- Она закрыта.

- Была открыта.

Нина посмотрела. Замок действительно цел. Артём проснулся.

- Что?

- Стой там.

Женщина улыбнулась. «Быстрая». Нина сжала пальцы. «Шёпот». Глаза женщины наполнились слезами.

- Зови иначе.

- Где ты?

- Здесь.

- Где тело?

- Какое?

Нина замерла.

Шёпот смотрела на неё через чужого человека, единственность тела оставалась для неё загадкой. Артём встал. «Отпусти женщину».

- Я спрашиваю не у неё, - сказала Нина.

Шёпот улыбнулась губами незнакомки. «Держишь». И Нина почувствовала чужое горло собственной рукой. Эмоцией, минуя физическое ощущение. Страх женщины под контролем был настоящим. Она всё слышала внутри. «Пожалуйста». Нина отпустила. Женщина рухнула на пол. Связь оборвалась.

Она закашлялась. «Где я?» Нина посмотрела на Артёма.

- Переезжаем.

- Снова.

- Сейчас.

Артём начал собирать вещи. «Куртки все?» Нина посмотрела на четыре почти одинаковые.

- Все.

- Свобода победила.

- Замолчи. Через пять минут они ушли, взяв Тамару с собой в безопасное место. Шёпот не преследовала.

Она уже получила главное: теперь знала, что Ласточка - больше, чем быстрое тело. Она выбирала отпускать. И это слово - «выбирала» - Шёпот пока не умела понимать. Утром женщина, через которую говорила Шёпот, вспомнила только обрывки.

Утренний разговор происходил уже в другой квартире. Её звали Тамара. Она работала кассиром в столовой, Нина была ей совершенно незнакома. Последнее собственное воспоминание - как вышла после смены и подумала, что надо купить молоко. Следующее - чужая рука на горле и девушка, которая двигалась так быстро, что лицо не успевало стать резким.

- Я что-то сделала? - спросила Тамара.

Артём ответил:

- Не вы.

- Но моими руками.

Нина молчала. Тамара посмотрела на ладони. «Тогда какая разница?» Нина хотела сказать, что огромная. Промолчала. Потому что для человека, который проснулся внутри собственного тела после чужого приказа, философская разница была меньше синяка на горле.

Артём дал Тамаре деньги на дорогу.

- Домой не одна.

- Почему?

- На всякий случай.

Женщина усмехнулась. «Теперь вся жизнь «на всякий случай»?»

- Похоже, - ответила Нина.

Тамара ушла. Нина смотрела вслед и впервые подумала, что скорость не поможет стране, где опасность может прийти через собственную мысль, минуя любую дверь. На складе Михаил перед сном посмотрел на выключенный телевизор. Когда-то его лицо появлялось там каждый день. Теперь новое поколение занимало то же место быстрее, чем страна успела решить, что думает о старом. Он ожидал ревности.

Почувствовал лишь усталость. Мария принесла две кружки чая.

- Что?

- Ничего.

- Врёшь.

- Думаю, сколько времени надо, чтобы человека заменить символом.

- Тебя заменили?

Михаил посмотрел на собственные руки. Сила то приходила, то уходила, реагируя на город за стенами.

«Символ». - возможно. «А человека?» Он взял кружку. «Вот это и проверяем».

Через несколько дней в школьном коридоре повесили свежую газету с новым Легионом. Катя остановилась перед фотографией. Рядом мальчик повторил шутку о том, что Ноль «выключил бы» её мать. Катя уже сжала учебник, но не ударила. Убрала книгу в сумку и ушла. После прошлого случая ей пришлось извиняться перед Игорем, повторять чужой способ решать спор стало противно.

Вечером она спросила Валентину о тех, кого показали на снимке. Мать посмотрела на фотографию. Рой помогала спасателю, Фатум стояла у постановочной аварии,

Ноль отключал демонстрационное пламя.

- Они хорошие? - спросила Катя.

Валентина смотрела долго.

- Не знаю.

- А ты была хорошая?

- Иногда.

- Очень неудобный ответ.

- Других теперь стараюсь не давать.

В другом конце города Михаил смотрел ту же передачу на телевизоре с выключенным звуком. Он узнавал монтаж.

Новые лица. Новые лозунги. Ту же паузу перед улыбкой, когда режиссёр даёт знак. Мария поставила рядом чай.

- Нравятся.

- Некоторые.

- Уже.

- Люди быстро нравятся. Проекты медленнее.

- Ты опять говоришь как книжка.

- Извини.

На экране Ноль смотрел мимо камеры.

Михаил неожиданно улыбнулся.

- Этот долго не выдержит.

- Почему?

«Потому что не умеет смотреть туда, куда ему показывают». Мария села рядом.

- А ты умел.

- Очень хорошо.

- Вот и результат.

Передача закончилась. Телевизор стал серым экраном.

Михаил увидел отражение собственного лица. Просто человека, которого действительно заменили на плакате. И впервые это показалось не потерей, а шансом.

Анна нашла Громилу у замёрзшего ручья. Медведь лежал на животе и пытался лапой разбить тонкий лёд. Металлические пальцы скользили. Виктор стоял в стороне.

- Почему не поможешь? - спросила Анна.

- Он не просил.

- Он медведь.

- Именно.

Громила ударил сильнее. Лёд треснул. Он сунул морду к воде, фыркнул и отступил. Анна улыбнулась. «Получилось». Медведь посмотрел на неё живым глазом.

Раньше любое успешное действие сопровождалось сигналом оператора, поощрением, командой следующего шага. В ответ была тишина. Громила постоял и пошёл дальше вдоль ручья.

- Куда? - спросила Анна.

Виктор пожал плечами. «Его дело».

Они пошли следом на расстоянии. Через час нашли старую охотничью избушку. Громила остановился у двери, обнюхал. Внутри никого. Он вошёл. Анна посмотрела на Виктора.

- Будем жить здесь?

- Если он останется.

- А если уйдёт?

- Значит, уйдём не за ним.

Она поняла с задержкой.

Виктор продолжил: «Мы тоже должны решить, чего хотим. Иначе просто поменяем приказ на слежку». Анна села на крыльцо.

- Я хочу, чтобы он был в безопасности.

- Это не место. Это желание.

- Очень умный стал.

- На свежем воздухе.

Вечером Громила вышел из избушки и лёг рядом с деревом. Анна зажгла маленький огонь. Медведь боялся пламени и сначала напрягся. Потом увидел, что никто не держит пульт. Расслабился. Анна впервые подумала, что свобода животного может выглядеть скучно. Спать.

Есть. Выбирать дерево. Бездействовать. И это было прекрасно.

Павел в ту же ночь записывал новые копии архива. Лариса подписывала города.

- Свердловск. Киев. Минск. Новосибирск.

- Ещё Ленинград.

- Уже три.

- Четыре лучше.

- Паранойя.

- Опыт.

В дверь постучали условным кодом.

Марево вошёл с незнакомым Ларисе лицом человека лет сорока.

- Красивый? - спросил он.

- Обычный.

- Вот и старался.

Он бросил папку.

«МВД собирает остатки „Зэк-48“. Часть людей оставить в покое. Некоторых предлагают „реабилитировать“ в новый проект». Павел поднял глаза.

- Феникс?

- Название в материалах отсутствовало. Но адрес тот же сектор.

Лариса выругалась.

Марево улыбнулся. «Страна очень бережливая. Даже людей старается использовать дважды». Павел взял чистую кассету.

- Тогда ещё копии.

- Зачем?

«Чтобы новый проект начинался уже в мире, где старый секрет не помещается в один сейф». Марево посмотрел на гору коробок.

- И это вы называете планом.

- Нет.

- А чем?

Лариса ответила:

- Помехой.

Иногда этого было достаточно, чтобы система перестала двигаться по прямой. На следующий день Катя принесла из школы тот самый выпуск стенгазеты.

- Зачем? - спросила Валентина.

- Хочу оставить.

- Газету про тех, кто меня заменил.

- Про день, когда я ударила человека из-за плаката.

Валентина посмотрела на неё.

- Не гордишься.

- Нет.

- Тогда зачем хранить?

Катя пожала плечами. «Чтобы потом не придумать, что я была права». Валентина медленно кивнула. Они положили газету в ящик рядом со старой пластмассовой фигуркой Родины-Матери. История семьи тоже начинала хранить и неудобные, и красивые версии. Поздно вечером Валентина всё-таки позвонила Михаилу.

- Видел новых?

- Видел.

- Что думаешь?

- Что они люди.

- Очень содержательно. «Ты спросила, что думаю, а не что удобно написать в отчёте». Она усмехнулась.

- Некоторые опасные.

- Мы тоже были.

- Некоторые выглядят так, будто им нравится.

- Нам тоже некоторым нравилось.

Они оба подумали об Иване. Валентина спросила:

- Если они придут за нами?

Михаил ответил после паузы:

- Тогда сначала спросим, пришли ли они сами.

- А потом?

- Потом будем решать.

- Ненавижу эту новую моду ничего не знать заранее.

- Зато честно.

Они повесили трубки. Ни один не назвал разговор совещанием. Именно поэтому он был полезнее многих старых совещаний.

Кислота захватил Дом культуры потому, что там был буфет. Никакой политической причины. Никакого плана. Никакой мести государству. Он просто увидел людей, водку и закрытую дверь служебного входа. Дверь ему не понравилась. Через десять секунд от замка осталась дымящаяся дыра.

Через минуту буфетчица закричала. Через три мужчины из охраны попытался вытолкнуть Андрея наружу и потерял кисть. Кислота держал её за пальцы ещё секунду после того, как плоть начала стекать с костей.

- Руки прочь, - сказал он.

Охранник упал. Кисть перестала быть кистью.

Люди побежали к выходу. Андрей рассмеялся и провёл ладонью по дверной ручке. Металл зашипел. Замок заклинило. «Стоять!» Никто не стоял. Он коснулся стены.

Штукатурка пошла пузырями. «Я сказал стоять!» Теперь остановились. Их остановил запах, а вовсе не приказ. Кислый, химический, как если бы больница горела вместе с аккумуляторным заводом. Андрей стоял посреди зала в грязной куртке.

Руки покрыты ожогами от собственных реакций. Ногти частично отсутствовали. Глаза красные. Он выглядел скорее человеком, который слишком долго жил в канализации и наконец получил аудиторию, чем суперзлодеем. «Водку сюда». Буфетчица принесла бутылку.

«Ещё». Вторая. «Все деньги». Она положила кассу. Андрей посмотрел. «На хуй деньги». Смахнул монеты на пол.

«Я свободный». Ответом стала тишина. Он заметил пожилого мужчину, который слишком внимательно смотрел на выход.

- Ты куда.

- Никуда.

- Врёшь.

- Нет.

Кислота подошёл. Мужчина отступил.

- Руку.

- Что?

- Дай руку.

- Зачем?

Андрей улыбнулся. «Проверим, врёшь или нет». Мужчина бросился. В другую сторону. На Кислоту. Хороший человек в плохой момент иногда выглядит точно так же, как глупый. Он успел ударить Андрея в лицо.

Кислота схватил его за запястье. Кожа задымилась. Мужчина заорал. Ткани начали растворяться до кости. Андрей не отпускал. «Видишь?» Мужчина рухнул на колени.

«Я свободный». Он отпустил только когда кисть висела на двух сухожилиях. Сорок человек поняли правила. Через двадцать минут Дом культуры был окружён.

Иволгин узнал первым среди гражданских специалистов. Причина была иной: редактор вечернего выпуска позвонил и спросил:

- Это наши.

- Кто?

- Кислота.

Иволгин закрыл глаза.

- Нет.

- Он из «Зэк-48»?

- Кто сказал?

- Милиция.

- Милиция уже говорит журналистам?

- Они думают, что мы знаем.

- Теперь знаем.

Он положил трубку. Мещеряков вошёл через минуту.

- У нас ситуация.

- Уже.

- Откуда?

- Страна большая, телефон маленький.

Генерал разложил схему.

«Сорок гражданских внутри. Один тяжело ранен. Кислота подтверждён».

- Старый проект МВД.

- Да.

- Идеально.

Мещеряков посмотрел.

- Что?

- Для премьеры.

- Мы не планировали премьеру сегодня.

- Теперь планируем.

- Я хочу, чтобы операция прошла без жертв.

- Я тоже.

- Нет.

Вы хотите, чтобы премьера решила кризис.

Иволгин надел пиджак.

- Я хочу, чтобы кризис решил премьеру.

- Разница.

- Огромная.

Мещеряков стукнул пальцем по схеме.

«Святой остаётся снаружи. Ноль, Предел, Фатум, Разрыв, Рой, Вавилон входят. Атлас внешний контур. Лазарь». - резерв.

- Зеркало?

- Нет. Память нестабильна после последней дозы.

- Какой?

Мещеряков посмотрел. «Не ваше дело». Иволгин понял по паузе.

- Волков.

- Я сказал...

- По глазам видно.

- Поэтому вас и не любят. «Меня не должны любить. Для этого у нас Святой». Он поднял телефон.

- Кого вы вызываете?

- Телегруппу.

- Операция ещё не утверждена окончательно.

- Камера тоже должна доехать.

Мещеряков хотел запретить. Промолчал. За четыре месяца Иволгин снова стал человеком, которому проще было разрешить, чем потом объяснять, почему запрещали.

Дом культуры окружили к полудню. Святой вышел из машины первым. Это было предусмотрено. Толпа за милицейским кордоном увидела его. Люди загудели. Николай поднял руку. Шум снизился.

Жест был лишь частью причины. Иволгин видел, как поле работает даже через десятки метров. Ограниченное. Слабое. Но люди начинали чувствовать: раз Святой здесь, кто-то контролирует происходящее. Мещеряков стоял в командной машине. «Не пускайте его ближе к родственникам заложников».

- Почему? - спросил Иволгин.

«Потому что потом они будут соглашаться на то, чего не хотели». Иволгин посмотрел.

- Вы учитесь этике.

- Я учусь учитывать последствия.

- Почти одно и то же.

Внутри здания Кислота увидел камеры через окно. «О!»

Он подтащил раненого мужчину к стеклу. Тот едва стоял. Рука замотана скатертью, ткань пропитана кровью. «Снимайте!» Кислота помахал. Оператор опустил камеру. Иволгин сказал:

- Снимай.

- Там человек.

- Именно.

Мещеряков повернулся.

- Без прямого эфира.

- Разумеется.

- Я серьёзно. «И я. Прямой эфир».

- Роскошь людей, уверенных, что знают следующий кадр.

Фатум вышла из машины.

Лицо бледное.

- Что видишь? - спросил Предел.

- Слишком много людей.

- Полезно.

- Нет.

Эвелина потёрла висок. «Толпа делает будущее грязным». Разрыв улыбнулась.

- Скажи, в каком варианте я развлекаюсь.

- Во всех, где ты не выполняешь приказ.

- Значит, выбор есть.

Вавилон молчала. Ноль стоял отдельно. Рой разделилась на четыре копии ещё в машине. Одна Дарина спросила:

- Кто сегодня оригинал?

- Та, кто выживет, - другая ответила.

Третья: «Очень мотивирует». Предел посмотрел. «Хватит».

- Командир нашёлся, - сказала четвёртая Дарина.

Борис усмехнулся. «Нет. Просто большой».

Вавилон подошла к двери. Иволгин наблюдал через монитор. Алиса приложила микрофон к переговорной системе. «Андрей». Изнутри смех.

- Кто?

- Отпусти людей.

Два слова.

Кислота перестал смеяться. Тело повернулось к заложникам. Он сделал шаг. Ещё. Лицо исказилось. «А-а-а...» Из носа пошла кровь.

Вавилон закрыла глаза. «Отпусти людей». Кислота впился ногтями в собственные щёки. Кожа порвалась.

- Ещё раз.

- Отпусти людей.

Андрей схватился за голову. Один заложник бросился к двери.

Кислота увидел. Ярость оказалась сильнее команды на секунду. Он ударил ладонью по стене. Бетон зашипел. Дыра выросла мгновенно. Через неё вылетел комок разъеденного материала. Предел вошёл первым.

Жидкость ударила в грудь. Он проглотил тепло реакции. Но химия осталась химией. Кожа задымилась. Борис зарычал. «Это больно». Разрыв выглянула из-за стены.

- Неожиданно, - сказала Влада.

- Влада, заткнись.

- Три направления! - крикнула Фатум.

Дарины разделились. Одна налево. Две направо. Четвёртая прямо. Кислота бросился.

Коснулся лица первой. Это произошло быстро. Слишком быстро даже для крика. Кожа на щеке Роя стала жидкой. Глаз помутнел, провалился. Губы исчезли с одной стороны. Дарина отшатнулась.

Попыталась вдохнуть. Кислота провёл ладонью ниже. Шея открылась до позвоночника. Копия упала. Остальные три остановились. Они не чувствовали боль сейчас. Но знали: если объединятся, память вернётся.

- Сука, - сказала одна.

- Потом, - ответила вторая.

«Я отказываюсь потом».

- Ребёнок справа, - крикнула Фатум.

Они побежали. Предел ударил Кислоту. Сдерживаясь. Но Андрей отлетел через два стола. Встал, смеясь.

- Новый герой.

- Нет.

- Жалко.

- Мне тоже.

Кислота плюнул.

Слюна прожгла линолеум. Борис отступил.

- Мерзость.

- Спасибо.

Разрыв закончила бы бой за секунду. Именно поэтому ей запретили. Влада увидела руку Андрея. Движение пальцев. Пространство сместилось. Кисть исчезла. Кислота посмотрел на культю.

Кровь ударила струей. Отдельная кисть появилась в трёх метрах и шлёпнулась на пол. Андрей заорал. Потом засмеялся. Смешок перешёл в крик. «Ещё!» Разрыв улыбнулась. «Голову?»

Мещеряков рывкнул в наушник: «НЕТ. ЖИВЫМ».

Влада скривилась. «Скучно». Кислота бросился на неё. Разрыв сделала движение. Кусок правого уха Андрея исчез. Появился в кармане Влады. Та потрогала.

«Сувенир». Вавилон смотрела.

- Зачем?

- Потому что могла.

- Ты больная.

- Мы все здесь по справке.

- Потолок! - крикнула Фатум.

Кислота уже понял, что проигрывает. Он прижал культю к несущей колонне. Кровь смешалась с реактивными выделениями. Бетон начал пузыриться. «Он рушит зал!» Атлас получила приказ входить.

Вероника увеличила массу под главной балкой. Сначала сто тонн. Потом двести. Фундамент застонал. Балка легла на плечо. Предел встал рядом и принял первый удар падающей конструкции. Энергия прошла в тело.

Кровь сразу потекла из глаз.

- Ещё держу, - сказал он.

Рой стала шестью. Процесс деления прямо в бою выглядел хуже, чем на полигоне. Кровь на полу смешалась с пылью. Шесть Дарин разбежались.

«Выход! Сюда! Быстро!» Заложники побежали. Одна женщина замерла рядом с раненым мужем. «Я его не оставлю!» Рой подхватила мужчину.

«И правильно». Копия понесла. Плита упала. Ударил Дарину по спине. Позвоночник сломался с влажным хрустом. Тело сложилось пополам. Ребёнок, которого она держала второй рукой, вылетел вперёд.

Другая копия поймала. Для ребёнка одна и та же женщина умерла и продолжила бежать. Крик застрял раньше, чем вырвался.

- Мама.

- Там.

Рой передала его женщине. Потом посмотрела на собственное сломанное тело под плитой.

- Потом, - сказала себе.

Предел держал балку. Кожа светилась.

- Борис! - крикнул врач по связи.

- Сброс!

- Люди.

- Перегрузка.

- Люди.

Последняя группа бежала к выходу. Предел чувствовал, как энергия разрывает сосуды. Из носа, ушей, глаз шла кровь. Он не отпускал. Атлас стояла под второй частью перекрытия. И увидела мужчину у ног.

Раненый. Ползёт. Если Вероника уменьшит массу - фундамент поднимется на долю, балка сдвинется и вся центральная секция рухнет. Если не уменьшит - человек окажется под ней. Фатум увидела. «Вероника!» Атлас посмотрела вниз.

Мужчина тоже посмотрел. «Помоги». Вероника не изменила массу. Человек попытался отползти. Поздно. Тело исчезло под ботинком и бетонной плитой. Постепенно.

Сначала таз. Крик. Потом грудь. Кровь разошлась тонкой тёмной лужей. Атлас стояла. Лицо осталось прежним.

- Последний вышел! - крикнула Рой.

Вероника уменьшила массу. Конструкция рухнула в уже опустевшую зону. Предел отбросило. Он упал, дымясь.

- Тридцать девять, - сказала Фатум, хватаясь за голову.

- Что?

- Вышли тридцать девять.

Рой посмотрела на тела. «А вошло?» Ответом стала тишина.

Кислота полз к дыре в стене. Одной кисти нет. Ухо разорвано. Кровь оставляла след. Ноль вошёл. Андрей почувствовал сразу. Кислота на коже перестала выступать.

«Что?» Олег подошёл. Прометеевская адаптация выключилась. Проблема заключалась в том, что организм Кислоты годами производил агрессивные вещества и одновременно был перестроен, чтобы их переносить. Производство остановилось не мгновенно. Защита - почти. Кожа Андрея покрылась пузырями.

Он закричал. Слизистые начали гореть изнутри.

- Убери его! - крикнул врач.

Ноль смотрел. Кислота попытался вдохнуть. Закашлялся кровью.

- Олег! Назад.

- Он опасен.

- Сейчас нет.

- Именно.

Мещеряков в наушнике: «НОЛЬ, ВЫЙТИ ИЗ РАДИУСА».

Олег сделал шаг. Медленно. Кислота блевал кровью. «Быстрее!» Ещё шаг. Слишком поздно. Внутренние ткани уже получили повреждение.

Андрей лежал на боку. Посмотрел на Ноля. Хотел что-то сказать. Из рта вышла красная пена. Сердце остановилось. Ноль отступил полностью. Врач подбежал.

«Реанимация!» Вавилон стояла рядом. «Ты специально». Олег посмотрел.

- Что?

- Медленно отходил.

- Выполнил приказ.

- Ты дал ему умереть.

- Он умирал.

- Это не тебе решать.

Ноль посмотрел на тело. «Тогда зачем меня сделали?»

Вавилон промолчала. Фраза осталась между ними.

Святой встречал заложников снаружи. Женщина выбежала первой и упала ему на грудь. Её муж остался под Атласом. Пока оставались лишь догадки. Она видела кровь. Николай обнял. Поле сделало своё.

Паника стала тише. Дыхание выровнялось. Вместо ужаса пришло ощущение безопасности. Женщина плакала. «Спасибо». Внутри здания Святой бездействовал. «Всё хорошо».

Фраза была ложью. Рядом с ним она ощущалась правдой. Камера снимала. Иволгин смотрел через монитор. «Крупный». Оператор приблизил. «Хорошо».

Мещеряков услышал.

- У неё муж погиб.

- Я знаю.

- И вы снимаете.

- Именно поэтому.

- Вы неисправимы.

- Пока.

Рой вынесла ребёнка. Ребёнок кричал: «Она умерла! Она умерла и потом была!» Оператор хотел повернуться. Иволгин сказал:

- Не снимать объяснение сейчас.

- Почему. «Потому что в трёх секундах оно будет выглядеть как чудо. В трёх минутах».?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.